

Александр Бушков

Так говорят о
любви только
по-настоящему
сильные и
волевые
мужчины

Месяц надежды

Александр Александрович Бушков

Месяц надежды

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36063670
Месяц надежды / Александр Бушков: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103550-1

Аннотация

Откройте для себя другого Бушкова!

Александр Бушков – признанный мастер российской литературы. Он умеет говорить о любви так, как о ней говорят только по-настоящему сильные и волевые мужчины. Когда искренность чувств – предельная. Слова признания – пронзительны. А поступки – красивы и благородны.

Ольга поначалу не хотела садиться в его машину. Смотрела на симпатичного улыбающегося водителя с подозрением. Жизнь такая пошла, верить никому нельзя. Потом много раз вспоминала это мгновение. Ее судьба сложилась бы совсем иначе, останься она стоять на тротуаре и ждать такси...

Невообразимая круговерть событий и эмоций! Его робкие, осторожные прикосновения. Его тихий голос и волшебные глаза. Если не слушать маму, эту Снежную Королеву с ледяной логикой, если зажмуриться, чтобы не видеть ничего и лишь представлять себе картинки сказочной жизни, – только этого уже будет достаточно, чтобы быть счастливой.

Погоди, шептал он ей. Наберись терпения. Все у нас будет.
Она наконец открыла глаза...

Содержание

Лист 1	6
Лист 2	33
Лист 3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Александр Бушков

Месяц надежды

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее.

Книга Песни Песней Соломона, 6, 7

Как всем давно известно, погода в последние годы легонько сошла с ума. Предсказывать ее давненько не брались даже мудрые деревенские старики и старухи. В прошлом году, например, уже в конце сентября задувал противный холодный ветер и даже пару раз сыпал снежок. А теперь в безоблачном голубом небе стояла пара белых кучерявых облачков, царила теплынь. Не лето, но благодать, чертовски приятная погода. Даже желтые листья падали с деревьев не так уж и часто. Но все-таки это уже случалось.

Лист 1

Двести невидимых японских лошадок легко вынесли трехсотый «лекс» на вершину длиннющего пологого подъема, и Алексей сбавил скорость. Справа и слева громоздились университетские корпуса – и унылые коробки советских времен, и здания покрасивее и поновее. Справа, у той остановки, с которой люди ехали в город, имело место нешуточное многолюдство. Час пик, занятия кончились. Справа, как и всегда, протянулась длинная шеренга голосующих студентов, тот еще цветник.

Алексей был неплохо знаком с взрослой жизнью города Шантарска. Он прекрасно знал, что эти красавицы четко делятся на три категории. Это искательницы приключений, часто не державшие в мыслях материальные блага, дорогие эскортницы, с которыми обстояло как раз наоборот, и, наконец, девушки, которым просто нужно побыстрее доехать из одного места в другое. У каждой своя манера поведения, которую человек опытный просекает легко. Тем более что третья категория порой плавно перетекает в первую. Тут уж как повезет.

Алексей стал тормозить. Конкретных охотничьих целей он перед собой сегодня не ставил, но два часа свободного времени нужно было на что-нибудь убить. А как еще это может сделать одинокий мужчина тридцати трех лет?

Бордюра здесь не было. Он съехал на обочину половинками правых колес и остановился аккуратно напротив девушки в коротеньком зеленом платице и распахнутой белой легкой куртке. Приятная была девушка, очень даже заслуживающая внимания, не просто красивенькая, а еще и обладавшая чем-то таким неуловимым, словами неопишуемым, что мужчин всегда привлекает. Светлые пушистые волосы гораздо ниже плеч, сине-серые глаза, и все такое прочее. Весьма приятная девушка.

Из-за правого руля перегибаться к окну не пришлось.

Алексей опустил стекло до упора, включил обаятельную улыбку и поинтересовался:

– Куда ехать, девушка?

Она посмотрела на него чуточку настороженно. Мало ли что в жизни бывает. Иногда у красивых девушек остаются не самые приятные воспоминания о дорогих машинах.

Ну а сама эта красавица, пожалуй, входит в классическую третью категорию. Ту самую, что порой переходит в первую.

– А вы что, таксуете? – спросила она все так же чуточку настороженно.

– Приходится, – сказал он, не гася обаятельной улыбки. – Зарплату третий месяц платят сковородками, а куда их денешь? Хоть к администрации иди и митингуй. Так ведь не пожалеют же, ироды. Опять скажут, денег нет, но вы держитесь.

– На такой-то тачке? – В ее чуточку хриловатом голосе

прозвучала легкая насмешка.

– Остатки прежней роскоши, – сказал он с грустным видом. – Вот и приходится таксовать. Гребешок на крыше ведь видите?

– Нет там никакого гребешка.

– Да как нет? – Алексей изобразил на лице крайнюю озабоченность и удивление, вылез из машины, посмотрел на крышу, где и в самом деле отродясь не бывало никакого таксистского гребешка, охнул и сокрушенно развел руками. – Ну, ешкин кот! Третий гребешок на этом чертовом подъеме ветром сдувает. Разорюсь я на них!

Судя по глазам, игру она поняла, и, похоже, ее настороженность подрастала.

Сзади требовательно засигналил огромный зеленый автобус. Алексей оглянулся. За рулем сидела не родная славянская рожа, а классический тадж, из тех, что к серьезным конфликтам обычно не склонны. Это упрощало дело.

Поэтому Алексей преспокойно просунулся в кабину, включил аварийку, а потом с той же обаятельной улыбкой развел руками и крикнул:

– Извини, брат, искра в землю ушла.

Тадж, судя по косенькой физиономии, многое мог бы сказать, но все же не решился, вывернул, объехал «Лексус» и покатил себе дальше, зарабатывать денежку для далекой родни.

На его место тут же встал другой автобус, уже с бра-

том-славянином за рулем, но, пока загружались студенты, не гудел.

– Ну, решайтесь, девушка, – сказал Алексей. – Видите, как они разгуделись? Вам-то ничего, а мне и монтировкой может по голове прилететь. А она не самая глупая, ее жалко.

Она наконец-то улыбнулась, впрочем, очень скупо, даже бледно. Такая улыбка вроде бы не дает никаких надежд. Но так бывает далеко не всегда. Тут уж от тебя самого все зависит.

– Мне, вообще-то, на Каландаришвили, только заехать бы еще на Громова, ксерокопии забрать. У меня триста рублей. Этого хватит?

– Выше крыши! – воскликнул он с энтузиазмом. – Ура, я разбогател! Спасибо вам, девушка, заранее. Китайской лапши куплю и сожру, урча. Садитесь.

Она обошла машину и села на переднее сиденье, хлопнув дверью чуть сильнее, чем следовало. Ага, стало быть, эта особа не больно-то и привыкла к хорошим машинам, где дверь закрывается легко.

Девушка попыталась одернуть коротенький подол. Алексей ухмыльнулся про себя. Левое сиденье было с секретом. Он его давно отрегулировал так, что оно поднялось под бóльшим углом, чем его собственное, и девичьи ножки в коротких юбках смотрелись во всей красе. Хотя вряд ли незнакомка об этом догадывалась. Вскоре она эти бесполезные попытки прекратила.

– На Громова – это та девятиэтажка напротив телецентра, что офисами набита? – спросил Алексей.

– Ага. Знаете?

– Знаю, сам там ксерокопии делал.

Ну не говорить же ей с ходу, что он там часто бывал в гораздо более престижных офисах, чем закуток с ксероксом? К чему такое глупое хвастовство?

– Вот, кстати, – сказал он, словно что-то вспомнив. – Вам сковородки не нужны? У меня в багажнике их еще ползарплаты.

– Да нет, зачем?

– Как зачем? Мужу котлеты жарить.

Она поколебалась, но все же сказала без улыбки:

– А я не замужем.

– Ну так еще кому-нибудь.

Девушка промолчала и на улыбку не ответила. Пожалуй, первой категорией пока что и не пахнет.

– Это вы ко мне клеитесь? – спросила она чуть погодя.

– Да с чего вы взяли?

– Вы же не насчет сковородки, а насчет мужа выясняете.

– А вы умница, – сказал Алексей. – Поди, на философском учитесь?

– Иняз.

– И какая мова?

– Английская.

«Удачно, – подумал Алексей. – Облегчает задачу».

– Тоже неплохо, – сказал он. – В наши времена ох как пригодится. Только я к вам не клеюсь. Таксистские традиции такие. Тем, кто на черных машинах ездит, к красивым пассажиркам клеиться нельзя. Профессиональная этика такая. На машинах других цветов – можно сколько угодно.

– Ну да?

– Чтоб я жил на одну зарплату из сковородок!

Она, конечно, ему не верила, по глазам видно.

Алексей решил, что пора удивлять ее, и спросил с расстановкой на очень даже неплохом английском:

– Ну и как науки даются? Легко или со скрипом?

Вот теперь она удивилась по-настоящему, даже красивые глаза округлились.

– Вы английский знаете?

– В школе для дефективных преподаю.

– Врете, – заявила барышня уже довольно весело все на том же импортном наречии. – Учителя на «Лексусах» не ездят.

– Ого! – сказал он. – Хорошо в машинах разбираетесь?

– У меня у подруги у... мужа такой.

«Ох, а теперь ты врешь, красивая, – подумал он. – Не муж он твоей подруге, никак не муж. Многозначительная была заминочка».

– Ну ладно, – сказал Алексей. – Если откровенно... я разведчик. Бывший. Послали меня в Англию, приказали травануть одного вредного лорда, а я не справился. Еле ноги

унес под видом глухонемого папуаса. Теперь вот угодил в эту глушь, в карантин, чтобы англичане не нашли. Они злопаятные.

– Нет, правда?

– Родители в свое время в спецшколу с английским загнули. Хотели из меня дипломата сделать. Только не получилось.

– Нет, правда?

– Насчет дипломата – вранье. Насчет школы – правда.

– А учились где?

– Здесь, в Шантарске. Я тут с шести лет, когда отца из Миусска сюда перевели.

– Нет, я про школу.

– Как это где? – он пожал плечами. – В «тридцатьпятке» на Лермонтова. Она тогда была одна такая.

– Ой, так ведь и я там! Только я вас не помню... – Девушка осеклась и смущенно замолчала.

– Ну, спасибо за комплимент, – сказал Алексей. – Хоть на минутку посчитали ровесником. А я ведь уже старик глубокий, тридцать три стукнуло. Когда я кончал, вы еще наверняка в детский садик ходили.

– Ага, – призналась она. – Мне двадцать один. Вот-вот будет. Конечно, где нам было встретиться.

– Интересно, при вас Детективыч еще работал? Он ведь и в мои времена не слишком был в годах, да и не на хорошем счету.

– Конечно, – сказала она оживленно. – И сейчас работает. Я была в прошлом году на вечере выпускников. Только Детективычем его мальчишки звали. У девочек он был Просто Мария.

– Надо же, традиции, – сказал он. – У нас тоже так было. Хороший был учитель. То ли сам этот метод выдумал, то ли позаимствовал где. Это неважно. Хорошо работало. Мальчишкам он задавал переводить с английского страниц по десять, а то и поболее. Детективыч подсовывал им книжки из тех, где уже на первой странице появляется очень интересный труп, шайка сговаривается ограбить изумрудный прииск или гангстеры с полицией выясняют, у кого мушки круче. Девочкам, соответственно, – женские любовные романы. И ведь действовало, да еще как!

Вообще «тридцатьпятка» – заведение специфическое. Еще до того как квакнула Советская власть – неофициально платное. Поэтому оно и пережило шизофренические перестроечные штормы, а потом, когда появились люди с деньгами, и вовсе расцвело. Сейчас, согласно моде, это уже и не тридцать пятая школа вовсе, а лицей «Шекспир».

– Надо же, – сказал Алексей. – Одношкольники.

– Кто?

– Это я сам как-то придумал. Если есть одноклассники, то почему не быть одношкольникам? И словечко вроде простое, да никто до меня не додумался. По секрету скажу: я и раньше не собирался с вас брать денег, а теперь об этом во-

обще речи нет. С одношкольников денег не берут.

Привалил счастливый случай, что уж там. Не четыре туза к джокеру, но что-то близкое. Теперь появился повод для самой непринужденной и даже веселой беседы.

За разговором незаметно прошло время по пути до Громова, девять, – краснокирпичной девятиэтажки, набитой офисами, как подсолнух семечками. Когда-то и они держали тут филиальчик, главным образом из-за близости «Пихта-банка», это уже потом в «Шантаркредит» перешли.

– Я быстренько, – пообещала девушка, выходя из машины.

– Да вы не торопитесь, – сказал он. – Мне сегодня времени девать некуда совершенно.

Алексей задумчиво смотрел ей вслед. Лестница тут была высокая, ступенек в двенадцать, что в сочетании с короткой юбочкой являло крайне эстетическое зрелище, но дело не в том.

«Интересно, кто это? – гадал он всерьез. – Платье, курточка и туфельки уж безусловно не из секунд-хенда и не из магазина с китайскими шмотками, но и не из самых дорогих. Украшения скромные, серебро с янтарем. Колечко, цепочка с кулончиком, сережки. Если родители бюджетники, то из верхнего слоя.

Впрочем, это все ни о чем не говорит. У иных чистой воды олигархов местного разлива, если они умные, дочери в универ ходят не в соболях и не в брюликах величиной с орех

фундук. Да что там, вот вам, извольте ли видеть, Сергей Парфентьевич Горышев. Огромных денег человек. Недавно получил подряд на очистку от леса аж четвертой части будущего ложа водохранилища Курумaysкой ГЭС. Это золотое дно для того, кто понимает. Он и на китайцев завязан, и его японские партнеры лес чуть не бритвой выбривают, вплоть до последней щепочки. А ездит с шофером и охранником на семилетней «Мазде», правда, доведенной отличными механиками до состояния швейцарского хронометра. Так жить спокойнее. А его особняк в Счастливом мало кто видит, горожане там бывают редко, фоторепортеры не рискуют, тут не Москва.

Дети его одеваются примерно так же, как и эта красавица.

Правда, тут есть один нюанс. Чуть ли не все денежные люди детям обязательно покупают машины. Возле универа таких женских тачек целая туча.

Но и тут мало ли что может быть. Допустим, машинка у нее в сервисе или руки к рулю не лежат. Вот и догадайся тут. Чутьточку обидно будет, окажись она эскортницей».

Об этом мало кто знал, но именно девочки из универа работали в паре-тройке по-настоящему элитных заведений, предназначенных для VIP-персон. «Золотая лань», «Леди Камилла», «Бельведер». Случайный человек с улицы туда не попадет, да он и не в курсе, что есть такие. Качество обслуживания там соответствующее, цены – тоже. Алексей это знал отнюдь не теоретически.

«Ну да ладно, там будет видно. У эскортниц свой стиль поведения. Они заказывают такси по телефону, а не ловят на обочине.

Чем-то она меня привлекает, и весьма. Красивеньких много, а тут что-то еще, словам не поддающееся. Интересная девочка, скажем так. Ох как не мешало бы подружиться с ней», – подумал он, увидел, как она подходит к машине с толстеньким файликом в руках, выскочил, открыл заднюю дверцу и сказал:

– Сюда положите, не на коленях же держать.

Файлик был прозрачный, и он в секунду срисовал то, что было напечатано на первой странице: пятый курс, Камышева Ольга Петровна, ага. Конечно, она могла и для подруги постараться, но что Алексей терял в случае неудачи? Да совершенно ничего. План, пока она ходила, был не только придуман, но и претворен в жизнь.

Когда девушка пристегнулась на своем сиденье, он чуть ухмыльнулся и повернул ключ в замке зажигания. Не произошло ровным счетом ничего. Стартер не заурчал, мотор не заработал.

– Ну, ешкин кот! – сказал Алексей якобы в сердцах. – И опять, и снова!..

– Сломалось что-нибудь? – сочувственно спросила барышня.

– У вас машина есть?

– У меня даже права есть, – похвасталась она. – Только

машина – папина «девятка», он иногда мне дает.

– Ну, там много чего по-другому. Понимаете, это загадка японского автопрома. Иной раз бывает. С зажиганием что-то. Раз десять заведется с полпинка, а на одиннадцатый вот так вот заколодит. В двух сервисах руками развели, в «Лексус-центре» обещали в лепешку расшибиться, но причину найти. Мол, репутация фирмы, всякое такое. Но я туда только на послезавтра записан.

– И что теперь? Крепко влипли?

– Да пустяки, – отмахнулся он. – Давно противоядие придумано. Постоит минут десять, а лучше пятнадцать, и заведется стопудово. Засекаем время. Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

– Нет, весь день свободный.

– Тогда сидим и ждем.

– Сидим и ждем, – согласилась она, пожала плечами и спросила: – Я закурю, можно?

– Да, конечно, я сам курящий.

Алексей приспустил оба передних стекла до половины, поднес ей зажигалку, заметил, что сигареты у нее дамские, но тоже не самые дорогие. Потом он закурил сам и пускал дым с честнейшим лицом, словно за несколько минут до ее возвращения не сунул руку под панель и не щелкнул крохотным, совершенно незаметным снаружи тумблером.

Сигнализацию Алексей терпеть не мог. Во-первых, если окажешься там, где воя сирены не слышно, машину успеют

по винтикам разобрать. Во-вторых, угонщики нынче всюю используют сканеры. Поэтому в «Лексусе» у него, как и у многих других владельцев не самых дешевых машин, стояли две секретки. Если сильно нажать на потолок в определенном месте, отключится подача бензина. Если щелкнуть тумблером, вырубится вся электросистема. Дешево, сердито, надежно.

– Просто так сидеть скучно, а про школу мы вроде уже поговорили, – сказал он и осведомился: – Хотите маленький сеанс колдовства?

Как Алексей и ожидал, в ее голосе прозвучало откровенное любопытство. У женщин оно стоит на втором месте после умения притворяться, делать вид, что они якобы не замечают мужские взгляды. А может, и на первом.

– Это как?

– Хотите, ваше имя угадаю? У меня бабка из деревни, умела кое-что, иные ее колдуньей звали и даже боялись. Вершочков я от нее нахватался.

– Угадайте, – сказала она с недоверчивым вызовом.

– Руку дайте. Это надо по ладони делать.

– А не больно?

– Ничутьточки, – заверил ее Алексей, взял узкую теплую ладошку и, хмуря брови, шевеля губами, с крайне сосредоточенным видом принялся водить по ней безымянным пальцем. – Линии упорядочить надо, – вполголоса комментировал он то, что видел. – Вот что-то округлое такое. Ну да! Бук-

ва О! – Тут у девушки невольно брови приподнялись от удивления. – Теперь дальше. Что-то вроде треугольника, острым концом вверх. Ага, Л. А это что-то похожее на пух. Мягкий знак, конечно. А дальше и колдовать не надо. Я и так угадаю. Ольга?

– Ага... – сказала она прямо-таки ошарашенно. – А отчетство тоже можете?

– С отчетством потруднее, но колдуны не отступают. Итак, что тут у нас? Углы сплошные, числом две штуки. «П», точно. Теперь наподобие петельки. Это «Е»...

– Так нечестно! – возмущенно заявила Ольга.

– Что нечестно? – спросил он с самым невинным видом.

– Я назад посмотрела. Вы на файлике все прочитали!

Запираться было бессмысленно. Она то ли случайно назад глянула, то ли догадалась.

– Сдаюсь, – сказал Алексей покаянно. – Только не убивайте меня, ладно? Ну не родился еще такой мужик, который не хотел бы произвести впечатления на красивую девушку.

– Да ладно, – сказала Ольга уже не сердито. – Хороший розыгрыш. Я сначала купилась, только потом что-то сообразила. Скуку мы немного скоротали.

– Значит, Камышева Ольга Петровна, – произнес он весело. – Алексей. Если точнее – Валентинович, если совсем точно – Гартов.

– И к чему мне это?

Самым покаянным тоном, на какой был способен, Алек-

сей признался:

– Мне чертовски хотелось с вами познакомиться. Вот, как-жестя, и получилось, да?

– Это еще ничего не значит! – заявила Ольга.

– Нет, в самом деле?

Она вздохнула прямо-таки горестно и проговорила:

– Ну вот, опять начинается. Жена не понимает, в жизни не поддерживает, изменяет и транжирит, а я – нечто особенное. Луч света я в темном царстве. До чего надоело!..

– Я не женат.

– И это сто раз слышали.

– Ах, так? – Он усмехнулся, достал из бардачка паспорт и подал ей. – Посмотрите, Оля, те странички, где про брак.

Она сначала не хотела брать книжечку в перламутрово-серой суперобложке, но любопытство, как Алексей и рассчитывал, пересилило.

– Вот паспорт мне кавалеры ни разу не совали... – сказала она, когда нашла нужную страничку.

– Убедились? – спросил Алексей. – Штампик о сочетании, штампик о расторжении, и все. Четыре года холостякую.

– Так это мало что меняет, – сказала Ольга, возвращая паспорт. – Наоборот, задачу вам облегчает. Хата, – она иронически подчеркнула это слово, – совершенно свободна, никакая жена не зайдет неожиданно. Разве что подруга с ключами.

– Какая подруга? Я последние три месяца вообще сирот-

тинушка.

В каком-то смысле он говорил чистую правду. Не считать же четыре сауны за эти три месяца за что-то серьезное. Это прямо-таки народная традиция, зародившаяся давным-давно. Приехали к тебе деловые партнеры, порешали вопросы, и что? Они тебя в бильярдную поведут или ты их – в кегельбан?

Два раза это была «Золотая лань», столько же – «Леди Камилла». Университетские студенточки, подрабатывающие там, стараются среди сокурсниц этим не гордиться. Они в большинстве своем девочки серьезные, просто стартовый капитал на будущую благонаправную жизнь копят.

– Ага. А мне, стало быть, придется сиротинушку утешать. Сначала в кабак, потом на хату музычку слушать. Может, еще и бабки совать будете?

– Олечка, а ты всегда о людях с самого начала плохо думаешь? – осведомился Алексей.

– Мы что, уже на «ты»? – Оля строптиво и как-то очень мило фыркнула.

– А почему бы и нет? Мы ведь одношкольники в конце концов. Да и нравы нынче такие – на «ты» и по имени.

– Ладно, это, в конце концов, пустяки – на «вы», на «ты». Главное в том, что суть дела одна и та же.

– Оля, задаю тот же вопрос вторично. Ты всегда о людях с самого начала плохо думаешь?

– А что, программу немного не угадала? Некоторые пред-

лагают ночной клуб, стриптиз.

– Ольга Петровна, вы программу не просто, а решительно не угадали.

Она прищурилась и заявила:

– Ага, и утешения у меня сиротинушка искать не будет.

– Не будет, – подтвердил Алексей. – Ты же на хату не поедешь, ты не такая.

– Не поеду. Не такая. Эту ухватку знаю, наслушалась. Я вся из себя особенная, на мне что-то есть, чего у других нет.

– Да ешкин кот! – прямо-таки взвыл он, ничуть не играя. – Ну что поделать, если и правда есть? Давно живу, многих видел. Есть.

Ольга сощурилась, но без особого мороза во взгляде, и любопытствовала:

– Какая же тогда предлагается программа? Я из чистого интереса спрашиваю.

– Программа простая, – решительно сказал Алексей. – Веришь ты или нет, сто лет не сидел с приличной девушкой в хорошем ресторане. В этом и вся программа. Проведем вечер в приличном заведении, и это тебя ни к чему обязывать не будет.

– А потом?

– А потом я тебя довезу прямехонько до подъезда. Если это принципиально, провожу до двери, чтобы по дороге волки не съели или хачи не украли, сдам родителям с рук на руки, на глазах у них руку тебе поцелую и поблагодарю за

приятный вечер.

– Умеешь ты языком молоть, я уже поняла.

– Это наследственное. У меня прадед мельник был, от него, видать, перешло.

– Интересная у тебя родова, – сказала она с подковырочкой, но не особо язвительно. – Бабушка – колдунья, прадедушка – мельник. Интересно, прапрапрадедушка кто?

– Ты будешь смеяться, но от него и фамилия. В очень старые времена, когда в Шантарске типография завелась, он там и работал. Очень редкая была профессия, как космонавт теперь, только без такого почета, разумеется. Всего лишь мастеровщина. Он, конечно, был не крепостной, таковых в Сибири сроду не водилось, но из крестьян. Может, слышала, как они тогда писались? Вместо фамилии – отцовское имя.

– Слышала. Как-никак в универе учусь.

– Ну вот. А после освобождения крестьян всем, и бывшим крепостным, и свободным, стали давать постоянные фамилии. Вот его и записали Гартов. Как типографщика.

– А гартов – это что?

– Не гартов, а гарт, – сказал Алексей. – Отец у меня как-то интересовался. Гарт – это был такой металл, смесь чего-то там с чем-то, из которого тогда типографские литеры отливали. Вот и пошли Гартовы. Оля, ну как?

– Что как?

– Я совершенно серьезно. Всего-то навсего приглашаю девушку провести вечер в хорошем ресторане, без всяких по-

следствий. Ну что тут такого? И никаких глупостей насчет хат и музычек. Ты уж извини за откровенность, но разве трудно в наше время «такую» найти, на все согласную? Это в сто раз проще, чем тебя, «не такую», на простой вечер в ресторане уговаривать.

– А если у меня друг – каратист? Любовник – банковская крутизна или вообще из мафии?

– В одного из трех по отдельности еще поверил бы. Чего в жизни не бывает, – сказал Алексей. – Но во всех трех сразу – уж извини. Нет у тебя никого. Глаза одинокие, как моя бабка говорила. Я, конечно, приврал малость, никакая она была не колдунья, но жизнь и людей знала как мало кто. Скажет – как припечатает. Многого я от нее не успел послушаться, когда умерла, мне лет двенадцать было, но кое-что подхватил. Нет у тебя никого. Ну, честно?

– Ну, нет, – сказала Оля, глядя в сторону.

Он с превеликой радостью отметил, что теперь ее голос звучал уже совершенно иначе. Это был крохотный, но все же шаг навстречу.

– Ну, может быть, – сказала она неуверенно. – Если потом и правда от ресторана до подъезда...

– Ешкин кот, чем же тебе поклясться-то? Сама подумай. Не будут же тебя у ресторана ждать Трус, Балбес и Бывалый, чтобы в бурку завернуть и в горы умчать? Хочешь в «Хачапури»? Вполне приличное заведение.

– Знаю. Я там один раз была. У подруги был день рожде-

ния, муж откупил зальчик. Ты должен знать, раз бывал.

Алексей отметил, что на сей раз перед словом «муж» не было ни малейшей заминки. Видимо, другая подруга.

– Знаю, – сказал он. – Уютный зальчик. Только для двоих его снимать – ненужное пижонство. Там и в основном помещении неплохо, ты сама наверняка видела.

– Конечно.

– Ну, так мы сегодня пойдем? Если серьезных дел нет?

– Да нет... – Она колебалась, раздумывала, что-то прикидывала.

Все это Алексея радовало несказанно.

– Ну хорошо, – наконец сказала Ольга, открыто глядя ему в глаза. – Вечер в ресторане, и только. Без всяких обязательств. Идет?

– Я это и предлагаю.

Ольга отвела глаза и сказала чуть смущенно или виновато:

– Ты извини, что я сначала тебе наговорила всякого. Понимаешь, три месяца одна. Жизнь покусала самую чуточку, но все равно ничего приятного. Я сначала подумала, будто ты очередной нахальный приставала, а потом решила – нет. Ты такой... чуточку нестандартный.

– Спасибо за комплимент. – Он усмехнулся. – Хотя нестандартных людей на свете куча. Значит, так. Столик я закажу сразу, а то просто так можно и не попасть. Заведение популярное, там всегда битком. С рук на руки родителям тебя нужно будет сдавать?

– Вот уж совершенно ни к чему. До двери я как-нибудь сама дойду. – Ольга пытливо посмотрела на него и добавила: – Если, конечно, у тебя в творческих планах не значится меня изрядно напоить.

– И в мыслях не было, – сказал он искренне. – Ты, конечно, этого не знаешь, а вот многие мужики считают, что общаться с вдрызг пьяной девушкой – во всех смыслах скучно, пошло и совершенно неинтересно. Так что пить будем по-северному. Знаешь, как это?

– Ага, я читала. В романе про геологов. Каждый пьет что хочет и сколько хочет.

– Вот именно, – подтвердил Алексей. – По такой системе. Время... Я за тобой заеду в половине седьмого, идет? За полчаса доедем всяко, даже с учетом пятничных пробок, и посидим часиков до двенадцати. «Хачапури», вообще-то, открыт до двух, но я думаю, что лучше нам уехать ближе к полуночи. В рамках стратегии.

– Это какой?

– Очень простой, – сказал Алексей. – Жизненный опыт показывает, что с папами девушки не особенно-то и общаются, а вот с мамами... Ты с ней откровенничаешь?

– Ну, не на сто процентов, но довольно-таки. А что?

– А то. Расскажешь ей, что познакомилась с чуточку нестандартным типом на «Лексусе» и собираешься с ним в ресторан?

– Расскажу. Придется же объяснять, куда я наряжаюсь и

исчезаю, как ты говоришь, до полуночи.

– Возражения будут с маминой стороны?

– Да нет. Мама у меня умная, понимает, что у дочери уже есть взрослая жизнь. – Она смущенно улыбнулась. – Предупреждение всегда одно-единственное, но я про него говорить не буду.

– А я и так знаю. – Он наставительно поднял палец и произнес сварливым тоном фрекен Бок из знаменитого мультфильма: – «Олечка, смотри, чтобы он всегда предохранялся!» Угадал?

– Ну, угадал.

– Да это нетрудно было, – сказал Алексей. – Все мамы в чем-то одинаковые. Я от своей всегда слышал одно и то же: «Лешенька, только предохраняйся, чтобы не подцепить чего скверного». Ну вот, о полуночи. Я хочу сразу заработать хорошую репутацию у твоей мамы. А то что это такое – только познакомился с девушкой и сразу утащил ее до двух часов ночи.

– Так-так-так, – сказала Ольга с непонятым выражением. – Отсюда вытекает, что ты планируешь знакомство продолжать?

– Честно скажу: хотелось бы. Ты против?

– Честно скажу: еще не знаю. Там будет видно. То, что ты чуточку нестандартный, еще ничего ведь не значит. Стало быть, в полседьмого выходить?

– Ага. Телефончик дашь?

– Извини, нет пока. Не обижайся, ладно?

– Да зачем обижаться? Давно на свете живу. Успел уяснить, что красивые девушки телефоны направо и налево не раздают... или раздают, но чужие, по приколу.

– Ну, я такими приколами не балуюсь. Ты и правда не обиделся?

– Ни капельки.

Он и в самом деле нисколько не обиделся. Наоборот. Ему чертовски понравилось словечко «пока», только что слетевшее с ее розовых губок. Может, это просто машинально получилось, фигура речи. Или налицо подсознательное согласие на продолжение знакомства.

– Значит, в полседьмого. Я точная. – Она аккуратно погасила в пепельнице тонюсенький окурочек. – Может, попробуешь завести? Гораздо больше, чем пятнадцать минут прошло.

– Попробую.

Он якобы нечаянно уронил между педалями пачку сигарет и, доставая ее, загородил пространство под панелью спиной. Тумблерочек щелкнул почти беззвучно.

Естественно, «Лексус» завелся с полпинка.

– Вон тот подъезд, – показала Ольга.

– Понял. Только давай-ка постоим.

– Зачем?

– У тебя права есть, ты говорила. Посмотри на это чудо в перьях.

– Да, точно. Лучше постоять.

Впереди, метра в десяти, от подъезда отъезжала ярко-малиновая крошка «Тойота Витц». За рулем сидела не пресловутая блондинка из анекдотов, а черноволосая девица, но все равно рулила она так, что, безусловно, следовало держаться от нее подальше, пока эта особа не скроется из виду. «Лексус» целее будет. К тому же правое крыло у машинки было изрядно помято и на передней дверце красовалась солидная вмятина. Вряд ли эту девицу, ехавшую строго по правилам, обидели злые лихачи.

– Господи!.. – простонала вдруг Ольга. – Нарвалась я!..

– Это на что?

– А вон, на балконе.

Гартов посмотрел туда. На балконе второго этажа, положив локти на перила, стояла светловолосая девица в джинсах и белой водолазке.

– Так, – сказал Алексей. – Стопудово младшая сестренка. Я отсюда вижу, что вы почти как две капли воды. Только она стрижется покороче. И что с ней не так?

– А все с ней не так. Это, чтоб ты знал, Женечка. Партийная кличка – Демон. Домашний террорист. Язык без костей совершенно, по двадцать раз в день ляпает разное. Подковырочки, иронические прибауточки. С мамой все же не особенно, зато с папой!.. А уж со мной еще круче. Вот точно тебе говорю, когда вылезу из машины, она что-нибудь такое непременно ляпнет. Чисто из вредности.

– Понятно, – сказал Алексей с некоторым азартом. – А ничего, если я ее заткну, коли начнет?

– Демона заткнуть?! Это еще никому не удавалось.

– А я попробую. Можно? Без всяких матов, но с элементами пошлости. Можно?

– Попробуй, мне самой интересно. Только она сама хорошо умеет с элементами пошлости.

– Вот и посмотрим, кто кого, – весело сказал он. – Пожурем – увидим.

«Витц» наконец скрылся в безвестности, явно стремясь к новым свершениям на дороге.

Алексей аккуратно подвел машину к подъезду, открыл заднюю дверцу, подал Ольге файл и прошептал:

– Помалкивает пока твой Демон.

– Подожди, сейчас начнется.

И точно.

Очаровательная Женечка, почти точная Ольгина копия, только лет пятнадцать или где-то около того, громко, медовым голосом протянула:

– Растешь, Олечка! На той неделе была «Мазда», вчера – «Тойота», а сегодня – целый «Лексус». Молодой человек, вы не из юных банкиров будете?

Алексей поднял голову и самым что ни на есть джентльменским тоном осведомился:

– Мадемуазель, вы волосы красите?

– Повода не вижу, – весело, охотно ответила Женечка Де-

мон. – Они у меня и так красивые.

Он обаятельно улыбнулся и спросил:

– А на голове?

До нее дошло не сразу, но все же быстро. Забавно было смотреть, как очаровательное личико – тут она вся в Ольгу – вспыхнуло нешуточным гневом и прямо-таки детской обидой.

– Дурак! – наконец выпалила девчонка и хлопнула балконной дверью так, что стекло жалобно задребезжало.

Ольга от души рассмеялась.

– Дас ист фантастиш! – сказала она потом. – Впервые в жизни Демона срезали!

– Хамство побивается хамством, – сказал Алексей. – А это к тому же соплячка, хамка совсем неопытная. Прикол моей хулиганской юности она явно не знает. – Он усмехнулся. – В те времена раскованные девочки, которым этот прикол был известен, тут же отвечали: «Это смотря где». Сама понимаешь, тебя самого моментально срезали. Хочешь, угадаю, что она тебе скажет, едва в квартиру войдешь? «Где ты такого хама выкопала?» Может, не в точности такими словами, но именно с этим смыслом. Спорим?

– А если проиграю? – чуть настороженно спросила она.

– Всего-то поцелуй в щечку. А если выиграешь – бутылка лучшего шампанского, какое в «Хачапури» есть. Ну, спорим?

– Спорим, – согласилась она. – Проигрыш не страшный,

а выигрыш заманчивый. Только вот что. Не было никаких «Тойот» и «Мазд». А если и были, то исключительно такси. – Она улыбнулась. – В отличие от некоторых, со всеми таксистскими причиндалами.

– Я тебе потом расскажу пару забавных историй про таксистские причиндалы, причем вовсе не на такси, – пообещал он.

– Ну так я пойду. Ровно в половине седьмого появлюсь. Девушка скрылась в подъезде. Алексей задумчиво посмотрел ей вслед.

Дом был хорош, четырехэтажная сталинка, построенная на века, не в центре города, но в четырех длинных кварталах от него, минутах в десяти ходьбы. Это ни о чем опять-таки не говорило. Мало ли кто мог жить тут. Вовсе не обязательно бывший советский босс или нынешний богач.

Алексей сел в машину, достал телефон и набрал номер «Хачапури».

Лист 2

В ресторане «Хачапури» не было ничего особенно такого уж кавказского. Ну, название. Ну, стены расписаны копиями картин Пиросмани.

Алексей знал, кто это такой. В свое время мать, окончившая институт культуры, старалась сделать из него приличного человека и много чего для этого предпринимала. Масса всего такого с началом взрослой жизни напрочь выветрилась из его головы, но кое-что осталось.

Еще парочка высоченных, чуть ли не в человеческий рост, колес от арбы по двум противоположным углам. Под толком широкий бордюр с каким-то национальным узором, очень даже может быть, вовсе и не армянским. Хозяин заведения безбожно смешивал достижения самых разных наций, лишь бы они были кавказскими.

Платья на официантках, как Алексею давно рассказал знающий человек, были не армянские, а грузинские. Кавказская кухня, занимавшая примерно половину меню, была не чисто армянской, а такой же смесью кулинарных изысков детей гор. И оркестр – насквозь современные лабухи, игравшие нынешнюю эстраду. Разве что пару-тройку раз за вечер они для пущей стилистики запускали что-то кавказское, но опять-таки не всегда армянское.

Хозяин был армянин с классическим именем Ашот, но

тоже не вполне и настоящий. Он прочно обосновался в Шантарске еще тридцать лет назад.

А посетители заведения были в основном славянами, порой с примесью иностранных туристов. Так уж в Шантарске исстари повелось. «Славяне» облюбовали себе пару-тройку ресторанов, куда «черные» в жизни не заходили, и, соответственно, наоборот. Оттого как-то так получилось, что в Шантарске, не в пример иным городам, не было серьезных межнациональных ссор и конфликтов. Все мирно сидели по своим уютным уголкам и друг к другу не лезли.

Оттенок черного юмора состоял в том, что один из сугубо «черных» кабаков в Шантарске именовался ну очень по-кавказски: «Василиса Прекрасная». Так уж получилось. Когда его три года назад купил грузин-ресторатор, название ему понравилось, и менять вывеску он не стал.

Правда, в последние три месяца армянского колорита в «Хачапури» прибавилось. Ашот завел себе метрдотеля, чего тут прежде не водилось. Это был его родной племянник, опять-таки с классическим армянским именем Гораций, недавно приехавший из Еревана и по-русски говоривший плохо. Вот он-то, как утверждали знающие люди, щеголял в самом что ни на есть национальном армянском костюме: шелковая рубаша особого фасона и все такое прочее, длиннополый кафтан, высокая остроконечная баранья шапка. Эффектный был выюнош – здоровенный, усатый, обаятельный, пользовавшийся большим успехом у определенной

категории ресторанных шантарских дамочек. Отнюдь не эскортниц, не подумайте.

Нельзя сказать, что Ольга была так уж ослепительна, но выглядела эффектно: желтое закрытое платье с короткими рукавами и четыремя красными пуговицами на одном, левом, плече, колготки сложного рисунка. Явно парадно-выходной наряд, опять-таки не из худшего магазина, но и не из лучшего. Серебро и янтарь она сменила на золото. Но сережки без камушков, цепочка и перстенок отнюдь не велики, скудноваты.

Чисто мужские компании на нее украдкой поглядывали. Нагло пялиться тут не было принято. Алексею это нравилось, что греха таить, хотя ни малейших прав он на нее не имел ввиду полной неизвестности будущего. Но кто здесь об этом знал?

О ней он по-прежнему ничегошеньки не ведал. Алексей заметил один любопытный момент, который не упустил бы из вида ни один опытный мужик. Ни днем, ни сейчас лифчика Ольга не надела. Некоторые дамы предпочитают ходить именно так. Наблюдение было интересное, но опять-таки не позволяло ничегошеньки узнать об этой барышне.

Он специально заказал столик в дальнем углу от оркестра. Здесь, в противоположность иным заведениям, он никогда особенно не громыхал, однако там лучше всего было разговаривать.

Подошла официантка, разумеется, в грузинском платье,

подала меню сначала Ольге, как по правилам хорошего ресторанныго тона и полагалось.

Алексей с обаятельной улыбкой сказал этой женщине:

– Мы вас потом позовем, хорошо? Выбирать нужно обстоятельно.

Она тоже изобразила улыбку, но отработанную, дежурную, и отошла.

Алексей весело проговорил:

– Вот, кстати, насчет Демона. Кто проиграл, кто выиграл?

– Ты выиграл, – с ноткой грусти призналась Ольга. – Почти так она и спросила: «Где ты только этого хама откопала?»»

– А ты?

– А я вспомнила твой метод и ответила: «Места знать надо». Она как-то сразу осеклась. Первый раз на моей памяти.

– Вот так, – наставительно сказал Алексей. – Будешь продолжать в том же духе, ты ее еще построишь. Не переживай. Шампанское я тебе все равно куплю.

– Не надо. Это будет как бы и непорядочно. Ведь я проиграла. А я люблю, чтобы игра была честная.

– Проигрыши платишь аккуратно?

– Конечно. Всегда. Что ты скривился?

– Подумал, что я дурак несусветный. Нужно было вместо поцелуя в щечку поспорить на что-нибудь совсем уж романтическое. Гораздо, так сказать, более. Ведь ты расплатилась бы? – спросил он с интересом.

– Конечно, – сказала Ольга. – Только я бы тебя потом знать не знала. Да ты и не стал бы очень уж крутую романтику предлагать. Это на тебя не похоже, я уже поняла.

– Вот только идеализировать меня не вздумай. Я обычный мужик, вот и весь сказ. С кучей достоинств и недостатков.

– Я и не собираюсь. Я же тебя совсем не знаю. В наше время по виду не определишь. Ты можешь быть кем угодно.

– Ну, кто есть кто, мы, я думаю, еще выясним, – сказал он весело. – Ладно, соловья баснями не кормят. Давай заказ конструировать. Есть тут что-нибудь вкусненькое, что тебе особо нравится? Что ты замаялась? Не стесняйся, выкладывай.

Она помолчала, потом решила:

– На дне рождения Майки ее муж заказывал крабовые котлетки. Мне страшно понравилось.

– Так в чем проблема? Вон они, в меню.

– Цена ломовая.

– Знаешь что? Давай договоримся так. Ты смотришь только влево, а вправо, где цены, не поглядываешь. Я не олигарх, но счет из «Хачапури» меня не разорит. Что-что, а девушку угостить вкусняшкой могу себе позволить и не обеднеть. С тебя при этом никаких обязательств, не забывай, договорились же. В общем, я заказываю, а ты не протестуешь. Идет? Не надо жеманиться, это где-то даже и смешно. Подумаешь, котлеты.

– Хорошо, – сказала Ольга. – Не буду жеманиться. Котле-

ток и в самом деле жуть как охота. Но шампанского все равно не надо, раз я проиграла. Тут уж я буду твердо стоять на своем.

– Ну, как хочешь. Возьмем какое-нибудь другое вино.

– А правда, что у Ашота котлеты по сугубо американским рецептам делают?

– Правда, я узнавал, – ответил Алексей. – Любит он такие примочки. Недавно обещал новую достать. Есть какой-то рыбный суп, который страшно любила Жаклин Кеннеди. Ашот мамой клянется, что раздобудет точный рецепт. Он же не секретный, для самых обычных ресторанов. Ну, пойдем дальше по меню. Сначала для тебя.

Часа через полтора Ольга была, конечно, не пьяна, но после пары-тройки бокалов доброго французского вина стала чуточку хмельная, немножко покраснелась. Поэтому мысли Алексея сейчас витали далеко от обычных дел – перекрытий, кирпича, автокранов и вагонки. Очень уж она была сейчас очаровательна.

Но он с грустью вспоминал, что договор дороже денег. Если обещал всего лишь проводить до подъезда, то так тому и быть.

Вот как бы только повести разговор так, чтобы о ней что-то узнать? Пока что у них шло самое обычное ресторанное общение. Они вспоминали смешные случаи из жизни, болтали о машинах, раз уж оба водят, травили вполне приличные анекдоты, танцевали и все такое прочее. Надо как-то ис-

хитриться...

Ольга глянула на него с хмельным лукавством.

– А можно тебя спросить? Ты быстрые танцы и в самом деле не любишь или это у тебя такое коварство?

– А конкретно?

– Я считала танцы чисто ради интереса. Все быстрые ты пропустил, а все три раза, едва начинался медляк, тут же вскакивал: мадемуазель, разрешите вас пригласить?

– Если правду сказать, я, вообще-то, люблю иногда и попрыгать, мне не сто лет, но сейчас – точно коварство. Где еще, как не на танцполе, можно культурно и деликатно приобнять красивую девушку? Ты, надеюсь, это извращением не считаешь?

– Да нет, с чего бы? – Она пригубила из своего бокала, глянула на него с тем же хмельным лукавством. – Знаешь, что мне страшно интересно? Кто ты такой.

– А сама как думаешь?

– Честно, представления не имею. А потому и гадать не берусь. В наше время человек на хорошей машине может оказаться кем угодно. Хоть наркоторговцем. Майкин муж, так уж получилось, в изнанке жизни хорошо разбирается. Он нам рассказывал как-то, что в Штатах чернокожие наркоторговцы себя ведут как самые настоящие клоуны. Их за километр видно. Розовый «Кадиллак», набитый блондинками, соболья шуба в калифорнийскую жару, золотом увешан до полной невозможности. В Европе серьезных торговцев отра-

вой можно принять за английских лордов, а у нас – за профессоров.

– Отчаянная ты девочка, – с усмешкой проговорил Алексей. – Не боишься в лицо незнакомому человеку такое говорить. А если я и в самом деле какой-нибудь такой?

– Я не отчаянная, умею рассуждать логически. Даже если ты и в самом деле какой-нибудь такой, за что меня под асфальт закатывать будешь? Я у тебя никаких секретов не выведываю и уж никак не похожа на милицейскую подставу. Я к тебе не клеилась и не навязывалась, ты сам возле меня остановился.

– Логично.

– Только вот мне почему-то хочется, чтобы ты не был каким-нибудь таким. Меня жизнь в особенную грязь не макала, так, самую чуточку, можно сказать, по коленки. Но это было. Вот и не хотелось бы с каким-нибудь таким столкнуться. Правда, кто ты такой?

Он налил себе полбокала, чокнулся с девушкой и сказал весело:

– Оля, тебе невероятно повезло. Я, извини за выражение, бизнесмен. Только немного специфический. Я строю коттеджи, в основном в Счастливом, но не только. Держу несколько бригад, которые евроремонт делают. Да мы разное строили. Вот ты кафешку «Макао» знаешь?

– Были там с девчонками как-то.

– Так это наша работа.

– А что, красиво получилось...

– Ну вот. В общем, построю, что закажут. На грандиозные проекты не тяну, а все, что помельче, запросто. Еще у нас свой парк разной строительной техники. Какую-то сдаем в аренду – тоже дело выгодное, другую сами используем. У нас автокранов пять штук, причем все с людьми. Они на хорошей зарплате и уходить не собираются.

Ольга посмотрела на него с интересом и спросила:

– Мне показалось или ты про краны с этакой гордостью сказал?

– С законной гордостью, – подтвердил Алексей. – Хочешь послушать кое-что о скучных строительных материях?

– Ага. Это что-то новое, а значит, интересное.

– В любой профессии есть свои хитрушки, – сказал Алексей тоном институтского преподавателя. – У строителей самый пикант – с автокранами. Точнее, с крановщиками. Автокранов можно найти немало, а вот хорошего крановщика – это дефицит жуткий. Сейчас как-то нет такой системы, чтобы в массовом порядке организовано учить молодых. Осталось прежнее поколение. Вот тебе примерчик. Года три назад знакомые ребята замутили три девятиэтажки, причем не стандартные. Здоровенные такие комплексы, вроде тех, что на Кавалерова или в Кедровом Логу. Краны-то у них были, а вот крановщиков – нихт. Знаешь, где их нашли? Только в Миусске, за четыреста верст. Ближе не было. Лето, самый сезон, все мало-мальски толковые разобраны, а Миусск – го-

родок маленький, там проще.

– Ничего себе! Так все серьезно?

– Абсолютно серьезно. Я же говорю, в каждой профессии свои хитрушки. Скучные материи?

– Вовсе нет, – сказала Ольга совершенно искренне. – Всегда интересно, когда что-то новое.

– Ну вот. В большие миллионеры не выбился, но живу неплохо. Знаешь, есть вещи, которые людям всегда будут нужны. Это еда, одежда, лекарства. Так и у нас. Пока жизнь более-менее нормальная, люди всегда будут строиться и ремонтироваться. Так что на наш век работы ох как хватит. Что ты вздыхаешь?

– А это я облегченно, – сказала Ольга, открыто глядя ему в глаза. – Хорошо, что ты строитель, а не банкирчик какой-нибудь. Я с такими общалась, и впечатления не ахти. Значит, ты институт кончал? Инженер-строитель?

– Я строитель, но никакой не инженер. – Алексей усмехнулся. – Так тоже бывает...

– Загадочно чуточку. А как же ты тогда строителем стал?

– Что, рассказать о себе?

– Я бы с удовольствием послушала. Это интереснее, чем анекдоты травить. Возле меня всякие бизнесменчики иногда крутились, но это совсем не то – магазин, банк, рынок. Первый раз встречаю человека, который реальные вещи строит. Конечно, интересно. Расскажешь?

Алексей очень надеялся, что надежно загнал в подсозна-

ние крайне довольную улыбку. Так уж сложилось – а это не у всех бывает, не всем удастся, – что о своей жизни он мог рассказать без утаек.

Был только один случай, о котором Алексей упоминать не собирался. Ничуть не позор, не компромат, не темное пятно на биографии. По нынешним меркам вовсе даже наоборот. Ему просто не хотелось об этом рассказывать девочке другого поколения, да и все тут.

Но главное состояло в другом. Рассказав о себе, можно будет ее попросить ответить тем же. Он пока что очень плохо знал Ольгу, но кое-какие житейские наблюдения сделал. Эта девочка точно отплатит откровенностью за откровенность.

Надо же, как прекрасно все складывается! Не нужно искать подходы, намеки пускать, старательно наводить девчонку на рассказ о себе. Откровенность за откровенность, все честно.

Он долил ей вина, наполнил свой бокал до краев и пояснил:

– Я буду прихлебывать по ходу монолога, это способствует. В общем, как говорилось в каком-то мультфильме, а в этой сказке было так. Только это не сказка, а реальность. Я до шести лет с родителями жил в Миусске. Мать была искусствоведом в музее, отец – инженером-строителем, причем очень хорошим. Его в конце концов забрали сюда, в Шантарск, и он года за четыре очень хорошо поднялся, должен был большую стройку под начало получить. Очень даже со-

лидную, связанную с нынешней Турумайской ГЭС. Но тут... ты-то этого не помнишь, но перестройка наша превратилась в шизофрению. Слишком многое обрушилось, Турумайскую ГЭС надолго законсервировали, как и все стройки, имеющие какое-то отношение к ней. Да и многие другие. Теперь строительство уже было чисто специфическое: банки, торговые центры и прочая хрень того же рода. Отцу свезло, один знакомый его воткнул в эту новую систему, уже сплошь и рядом частную. Как я понимаю, ему это было поперек души после прежних строек, но платили там о-го-го, а он должен был кормить меня, мать, сестру старшую. Так что и все эти новоделы исправно строил.

– Ага. А потом и тебя протолкнул в этот бизнес?

– Пальцем в небо, Олечка, – заявил Алексей и усмехнулся ничуть не обидно. – Все было совсем не так. Он меня взял за шиворот и прямо-таки воткнул на инженерно-строительный. Ну, как бы тебе сказать, инерция его прежнего жизненного опыта, менталитета, в общем, всякого такого. Вот мы и пошли втроем, я и еще двое одноклассников, у них отцы были друзьями моего бати, такие же советские строители с тем же менталитетом. Короче, погнали нас трудовую династию продолжать. Только времена уже стояли такие, что... Ты их не помнишь, и это просто прекрасно. Тебе живется легче, специфической памяти за душой, слава богу, нет. В общем, проучились мы два года, и всем троим показалось, что ничего путного из этого не получится. Все рушится, и

мы никому с нашими новенькими дипломчиками будем не нужны. Времена стояли такие, самые жуткие вещи в голову лезли. Откуда тебе знать...

Ольга смотрела на него серьезно и пытливо, подперев кулачком щеку.

– Ну, я немножко знаю, – сказала она без улыбки. – Когда дед с отцом пить садились, они многое вспоминали. Хотя я особо и не прислушивалась, но кое-что в памяти осталось.

– Оленька, прости тысячу раз, но это немного не то, – сказал Алексей. – Одно дело – от кого-то слышать, и совсем другое – самому тогда жить. Короче, мы с Максом и Пашкой решили по-другому как-то устраиваться. Ушли из института все втроем. Тут нас сразу радостно загребла родная армия, уже не Советская. Больше всего боялись, что из-за наших двух курсов угодим в стройбат, а это такая засада!.. В двух словах: таскай круглое, катай квадратное и канаву копай ломом. Повезло, однако. Объявился покупатель из погранвойск, и чем-то мы ему приглянулись.

– Покупатель? – Девушка в искреннем удивлении подняла идеально подведенные брови. – Ты что, хочешь сказать, что солдат тогда покупали? Я от деда с отцом всякое слышала, но чтоб такое...

– Да нет. – Он улыбнулся и ей, и далеким воспоминаниям. – Покупатель – это представитель какой-нибудь воинской части, который набирает людей. Вот так мы и стали доблестными погранцами.

– А у меня дедушка был пограничником, – сказала Ольга. – Он даже воевал.

– Нормально. Где, когда?

– В шестьдесят девятом, на Даманском. – Она без малейшей ошибки произнесла название клятого острова. – Я с детства запомнила.

– Живой?

– Ага. Едва-едва за шестьдесят перевалило, но он крепкий, все волосы целы, только седые. Его даже в руку легонько ранило. И орден есть. Красивый такой, с красным флагом, а внизу штыки торчат.

– Орден Красного Знамени, – сказал он со знанием дела. – Его еще все время Боевым зовут, хотя в документах так официально не пишется. Давай прикинем. Если ему сейчас шестьдесят, тогда было девятнадцать. Наверняка не офицер.

– Ну да. Я плохо разбираюсь, но точно знаю, что у офицеров на погонах звездочки. А у него были полоски поперек, две, по-моему.

– Младший сержант. Хлебнули ребятки. Что самое поганое, времена тогда стояли другие. Никто и подумать не мог, что вдруг войнушка грянет.

– А ты где служил?

Алексей усмехнулся и ответил:

– Меня, Олечка, и сравнивать нельзя с твоим героическим дедом. Я на заставе два года по кухне маршировал с поварешкой наперевес. Ага, повар. Не романтично, правда?

– Ну и что? Зато не попал в какую-нибудь дурацкую горячую точку. Я знаю, тогда все и начиналось. А на какой границе?

– На самой веселой, на финской.

– А то я сначала подумала... – Она коснулась указательным пальцем своей левой скулы, в том месте, где у него красовался старый шрам сантиметра в два длиной.

– А, это. Да ерунда, с мотоцикла в шестнадцать лет вернулся. Мы тогда все гоняли как идиоты, двое так шеи и посворачивали. Нет, мне-то, ты права, везло. Тем более что финская граница – такое юморное место. Финики в Питер ездили исключительно затем, чтобы водкой залиться по глотку, да и сейчас катаются.

– Ага. Я два года назад в Питере видела. Ползут на четырех такие питекантропы, даже к девушкам не пристают, потому что им только водки надо.

– Вот именно. До сих пор удивляюсь, как это им в те времена Медного всадника не толкнули. Видимо, исключительно оттого, что им, кроме водки, ни черта и не нужно было. Так что служба у ребят была легкая, но тягомотная. На въезде проверяют документы, на выезде, когда они в автобусах лежат штабелями и лыка не вяжут, глянут, насколько удастся, на сходство рож с фотографиями, и все хлопоты. Парни матерились, говорили, что себя обслугой вытрезвителя чувствуют. Рассказал бы я тебе что-нибудь героическое – как мы с верным псом Мухтаром гнали нарушителя, а он, зара-

за такая, в нас палил сразу из трех бесшумных пистолетов. Только это будет брехня. Была там одна пограничная хохма, пошленькая, но смешная. Рассказать?

– Расскажи.

– А она пошленькая.

– А я девочка уже большая. Расскажи, если смешно.

– А в этой сказке было так. Знаешь, в те времена предпринимателей расплодилось немерено. Куда ни плюнь, обязательно в предпринимателя попадешь. Царь Борька спяну заорал: «Обогащайтесь!» – ну, народ и начал, кто как умел. Короче, многие сообразили, что довольно выгодно будет перехватывать фиников еще до Питера, сразу при выезде из погранзоны, прямо у трассы устраивать им все тридцать три удовольствия, точнее, только два, а кому и одного-единственного хватало. Финнам так даже удобнее, нет нужды в Питер тащиться. Они же не в Эрмитаж на экскурсию рвались. В одном месте бизнесмены купили бывший пионерский лагерь, творчески его переделали. В половину домов натащили старенькой мебелишки из бывших окрестных столовых, магнитофоны там поставили. Получились рестораны с соответственной наценкой. Финны в наших рублях плохо разбирались, особенно когда второй литр выжрут. Еще половину разгородили на клетушки, поставили там кровати, которых в лагере было не считано. Получился бордель. Шлюх возили автобусами, а финны туда перли колоннами. По бумагам, как полагается, это и в самом деле была база отдыха.

Кто-то нехило получил на карман и за такой документ, и за все прочее.

– А где юмор? – спросила девушка разочарованно.

– Не гони лошадей, Ольга Петровна, юмор сейчас будет. Так вот, отыскался один шустрик, который подошел к делу совсем уж творчески. Нашел он двух девиц, которые на шлюх не походили нисколючко, сама знаешь, таких навалом. Смастрячил им военную форму, чтоб не нарваться, не в точности такую, какую тогда носили, а с некоторыми фантазиями, чтобы в случае чего никакой статьи пришить было нельзя. Одной вообще Георгиевский крест повесил – царский орден, если ты не знала, другой – парочку каких-то медалей, кажется, даже не военных, а типа за спасение утопающих. В Голливуде иногда наших вояк в таких вот примерно мундирах показывают – хоть стой, хоть падай.

– А я знаю, – живо проговорила Ольга. – Иногда отец с дедом садятся под пивко такое вот кино по виду смотреть. Хохочут в две глотки, объясняют мне, в чем тут юмор. Я в форме не разбираюсь, до меня это не доходит, но из вежливости делаю вид, что мне интересно. Я деда уважаю.

– Вот именно. Потом выбирает он клиента, с виду денежного, подходит и интересуется: дорогой товарищ финн, вы как предпочитаете, с обычными дешевыми шлюхами повалиться или за другие деньги пообщаться с самыми настоящими пограничными капитаншами? Мол, сами знаете, что у нас в стране делается. Нигде зарплату не платят по полгода,

и у пограничников тоже. Вот девчонки от безденежья сюда иногда и приходят подрабатывать. Он им и декорации устроил, у одной в комнате автомат на стене повесил, учебный, не стреляющий, и портрет Сталина, у другой – штук пять штык-ножей, пустые магазины, еще бутафорию какую-то. Финны велись с визгом, ни один не отказался ломовые деньги платить. Да и понятно, попробуй он у себя такое предложить своей офицерше, та бы его в землю вбила и в суд тащить не стала бы.

Ольга рассмеялась.

– А вот это и правда юмор! И что, так никто и не понял?

– Да где им понять, чухне белоглазой. – Алексей с некоторым пренебрежением махнул рукой. – Ну а дальше мы дембельнулись. Уходили – на гражданке была засада, а пришли – она уже в кубе. Даже батя уже не налегал, чтобы я в институте восстановился, а у Макса и Пашки отцы вообще об этом не заикались. Им круче пришлось, чем моему, помыкались изрядно, все понимали. Батя дал толчок. Он нас всех троих взял к себе на стройку, такими младшими помощниками старшего прораба. Там и уметь ничего не надо было, просто строить работяг, смотреть, чтобы кирпич на сторону не гнали, на работе не пили и все такое прочее. Короче, чтоб безобразий не нарушали. Батя говорил, что дембельнувшийся солдат сплошь и рядом может быть отличным организатором, а уж получать приказы сверху и вниз их передавать вообще способен лучше многих других людей. Тут он в точку

угодил. Когда строили некоторые шантарские заводы, дембелей на них вербовали эшелонами. Многие так и прижились, в люди вышли, кто в небольшие, а кто и в серьезные. Как на армию бочку ни катили, а она многому полезному учит. Ну вот. Поработали мы с годик, а там как-то незаметно пошли самостоятельные дела. Я две бригады отделочников организовал, Макс подрядился для одного дома, «дворянского гнезда», найти надежных работяг, чтобы хорошо сделали фундамент, а там и каменщиков им подобрал. У Пашки тоже случилась парочка таких моментов. Пошли уже чуточку другие деньги. Поработали мы так на стороне годик, а потом как-то за коньячком сели, обсудили все и решили объединяться. Неужели три бывших погранца, старые кореша, не потянут? Паша как раз женился, самым из нас первым, а Маринка у него, хоть и совсем тогда молоденькая, твоих лет, бухгалтером оказалась от бога. Вот и рванули вчетвером. Дело пошло. Поднялись мы. Такие вещи не только в американских кинах бывают, хотя в жизни, конечно, реже. Тут еще и в том дело, что мы пришли в самое время. Сегодня уже черта с два так развернулись бы на голом месте, а тогда многим удавалось. В общем, есть АОЗТ «Мастерок», мы трое и Маринка. И ничего плохого впереди не маячит.

– Я, честно, одного не пойму, – сказала Ольга. – Вы же не строители. Ну ладно, Маринка ваша – бухгалтер от бога, это я понимаю, у меня у самой мама такая, но вы-то?

– Ну, это я тебе в два счета объясню. Тут все просто. По-

нимаешь, во многих бизнесах самому не надо быть специалистом. Нужно уметь хорошо подобрать классных профессионалов и наладить дело так, чтобы они работали как часы, а сам ты при таком раскладе, если со стороны посмотрит человек непонимающий, вроде бы и не при делах. Ходишь себе весь из себя такой, руки в брюки, и ничего не делаешь, только на «Лексусе» катаешься. Для чего ты тут вообще нужен? Такому зрителю и невдомек, что ты именно так дело и поставил, чтобы оно крутилось гладко, само по себе. Но это вовсе не значит, что мы так и ходим руки в брюки. В России живем. За многим нужно посмотреть самому, какой бы ты механизм ни выстроил. Ну вот, вкратце такая биография. Неужели тебе интересно было?

– Конечно, – сказала Ольга совершенно серьезно. – Едешь вот так мимо какой-нибудь стройки, снаружи все скучно, а за кулисами, оказывается, столько всего интересного.

– Я тебе кучу интересного еще не рассказал. Может, выпадет случай, а то и объекты сможешь посмотреть.

Тут Алексей с некоторой грустью констатировал, что неприкрытый намек на будущие встречи она с исконным женским умением пропустила мимо ушей, словно и не слышала. Вообще-то это ни о чем еще не говорило, но оптимизма не прибавляло.

– Ну что, теперь, наверное, твоя очередь творческой биографией делиться, – сказал он, постаравшись, чтобы прозвучало без малейшего нажима.

Ольга чуть растерянно пожала плечами, улыбнулась.

– Я вот подумала, что мне и рассказывать нечего. Школа да универ. О чем тут говорить-то? Разве что... Мне три года назад предлагали идти на конкурс «Мисс Шантарск», но сразу зашугали. Мол, все участницы этого мероприятия обязаны семь дней в неделю спать со спонсорами, а уж потом те решат, кому корону нахлобучить. Я не стала проверять, как там на самом деле, махнула рукой и не пошла. Вот. А больше и рассказать нечего.

– А папа с мамой, интересно, кто?

Она охотно, без заминки ответила:

– Мама – глава семьи. Неофициально, но фактически. Она, все говорят, бухгалтер от бога, как ваша Маринка. Вот одна старая знакомая еще лет одиннадцать назад и позвала ее в «Дублон-банк».

– Да, серьезная контора, – сказал Алексей. – Долго продержится. Знающие люди говорят.

– Ага, мама тоже так говорит. Она сейчас начальник отдела, в деньгах не купается, но мы с Демоном сухую корочку не жуем и старые платяшки не перешиваем.

Ну вот, теперь кое-какие фрагменты мозаики легли на место. Многое объясняется.

– А папа? – спросил Алексей.

На очаровательное личико набежала легонькая тень.

– А с папой далеко не так безоблачно. Он, как твой, был инженером, только не строителем, а на комбайновом. Пони-

маешь?

Он кивнул. Кто же в Шантарске не знал, что на месте бывшего комбайнового который год цветет и пахнет очередной «подсолнух» с офисами?

– Конечно, кто-то из тех, кто оттуда ушел, нормально устроился, а некоторые даже стали вроде тебя, – продолжала Ольга с легкой грустью. – А вот у папы, на беду, специальность была какая-то уникальная, которая на тех заводах, что остались, абсолютно не нужна. Ну, помыкался. В автосервисе поработал. У него вообще-то к машинам руки хорошо лежат. Нашей «девятке» пятнадцать лет, а она у него как швейная машинка. Но не сложилось там что-то. Он последние пять лет охранником в торговом центре «Бирюса» работает. – Ольга посмотрела ему в глаза с той же грустной хмельной откровенностью и сказала: – Ага, и получает в пять раз меньше мамы. Охранника найти в сто раз легче, чем хорошего начальника отдела в солидный банк. Мама умная, она его никогда в жизни не попрекала и не строила, но все равно... – Она тихонько фыркнула, опустила глаза и добавила: – А знаешь еще что? По некоторым данным, у нее давно любовник есть. Из своих. Хотелось бы мне верить, что папа об этом не знает.

«Да уж, – подумал Алексей с ноткой мужской солидарности. – Хуже нет в такой вот ситуации еще и знать».

Ольга одним глотком разделалась с тем, что оставалось в не самом маленьком бокале, а было там никак не меньше

половины.

Глаза и голос ее оставались грустноватыми.

– Вот так и живем, ничего интересного.

Большим мудрецом Алексей себя никогда не считал, но жизнь знал. Картинка выстраивалась нехитрая. Маленькая девочка папу не просто любила, а страшно уважала. Он был большой, под потолок, могучий, добытчик. А потом переменялось буквально все, и жизнь, и люди. Девочка выросла и прекрасно поняла, как оно на самом деле обстоит на нашей грешной земле. Любить, может, и не перестала, детская любовь редко ржавеет, а вот уважать... Говоря с жестокой откровенностью: а за что уважать человека, который не смог быть настоящим мужиком? Останься он автослесарем – будем ей верить, что механик хороший – то, может быть, по деньгам жену и не догнал бы ноздря в ноздю, но деньги были бы не те, не жалкие слезки.

Как бы там ни было, но тема себя исчерпала. Они оба это почувствовали.

И первой сменила ее Ольга:

– А вот интересно, что тебе отец потом говорил, когда ты так приподнялся вопреки его планам на твой диплом?

– Ничего не говорил, – спокойно сказал Алексей. – Не успел. Они с мамой погибли. Самолет под Новосибирском упал, они к дяде в гости летели.

– Ой! – Ольга с округлевшими глазами на миг прижала ладонь к губам. – Это называется поменяла тему разговора,

дура. Извини, я же не знала.

– Ничего, – сказал он так же спокойно. – Это восемь лет назад было, я привык. Понимаешь, он просто не успел увидеть, как мы по-настоящему поднялись. Насколько я его знаю, он мог сказать и так, и этак... О! Быстрый начинают. Пойдем попляшем? Не все ж мне тебя культурными объятиями терроризировать, пора и о твоих духовных запросах подумать.

Она охотно встала из-за столика.

Когда они отплясались и вернулись, Алексей проговорил:

– Время пока не расчетное. Как думаешь, еще бутылочку одолеем или это будет спаивание?

Ольга, такое впечатление, прислушалась к себе и заключила:

– Одолеем. Я не шатаюсь ничутью, язык не заплетается, могу без запинки выговорить «перпендикуляр» и «трансцендентальный».

– Счастливая ты, – сказал он грустно. – А я вот не могу.

Ольга удивленно уставилась на него.

– Почему? Ты пьяным совсем не выглядишь.

Он честно признался:

– Потому что не в курсе, что такое «трансцендентальный». Вроде бы знал когда-то, да запамятовал.

Ольга приснула. Алексей поманил проворную, как все они здесь, официантку. Вино было доставлено на столик не со скоростью света, но уж и никак не черепахи и откупорено

по всем правилам.

Наполняя бокалы, он подыскивал новую тему для разговора, ничего путного не придумал и спросил:

– А точно, что такое «трансцендентальный»?

Ольга засмеялась.

– А знаешь, я сама забыла. А ведь на каком-то экзамене было в билете. – Она лукаво посмотрела на него поверх своего приподнятого бокала и осведомилась: – Тебе нескромный вопрос задать можно?

– Ну, попробуй, – сказал он благодушно. – Люблю нескромные вопросы. Только далеко не всегда и не у всех получается их сформулировать. Так что мне даже любопытно. Валяй.

– Сформулировать, говоришь. Почему ты, вот такой благополучный, веселый и уж явно не глупый, четыре года не женат? – Она торопливо добавила: – Если что-то неприятно, извини.

– Да ничего неприятного. – Алексей усмехнулся. – Должен тебя разочаровать. Никакой это не нескромный вопрос, а самый обыкновенный. Почему? Да знаешь, терпеть не могу, когда ко мне набиваются. А в последние годы именно это и происходит. Знаешь, есть такие особы. Я не говорю, что они какие-то плохие. Стандартные современные девочки, практичные по самое не могу. Покатается на «Лексусе», походит у меня по квартирке, а потом начинается. Молчит, конечно, но в глазах у нее вот такими буквами написано:

«А у меня будет крутая шуба!», «А у меня будут роскошные брюлики!», «А он мне тачку купит!», «И пока он там кирпичи ворочает, буду лежать кверху пузом и шоколад лопать!». Когда на свете немного пожил, эти букочки в глазах на раз читаются.

Ольга прищурилась.

– Ага. А тебе романтики хочется?

– Да ну, скажешь тоже, – отмахнулся он. – Я в романтику черт знает с какого времени то ли не верю, то ли жизнь выбила ее из меня напрочь. Нормального человеческого отношения хочется, вот и все. Иногда так и подмывает сделать, как один наш мэн. У него все еще покруче, чем у меня. Коттедж в Счастливом, «мерс» свежий, и все такое. Когда он этих букочек начитался досыта, придумал идею. Снял надолго двухкомнатную хрущевку, обставил ее... ну, не ящиками из-под консервов, но и не итальянскими мебельями, купил шестилетнюю японскую тачку. Девушек катал исключительно на ней и водил только в ту самую квартиру. Чуть ли не все сразу линяли, а потом однажды одна взяла да и стала туда набиваться. Так ведь расписались, второй год живут, киндер намечается. Хорошая такая девочка.

– Интересно, а как она потом себя чувствовала, когда все наружу выплыло?

– А оно так никогда и не выплыло, – с усмешкой проговорил Алексей. – Он мужик умный. Прожил с ней месяца четыре в той хрущевке, а потом вечером завалился до-

мой с огромным букетом, пьяный от вина и от радости. Дескать, очень простая вещь получилась. Понимаешь ли, бизнес-проект, в который мы пять лет каждую свободную копейку вкладывали, все же удался. На всех участников свалились громадные деньги. Еще через месяц он «купил» тот самый коттедж, а там и машину. Так что наружу ничего не выплывет. Об этом мало кто знает, а кто в курсе, тот не проболтается.

– Ты ж вот мне проболтался.

– Да с чего ты взяла? Никого я тебе не выдавал. Попробуй определить человека по двум приметам: коттедж в Счастливом и «мерс», причем неизвестно какой. Коттеджей у нас там что опят на пне в урожайный год, а «мерсов» в Шантарске как бездомных кошек.

– Действительно, – сказала она и кивнула чуть разочарованно. – Да, вот оно как. Тяжела жизнь молодого миллионера.

– Ну, не такой уж я большой миллионер. А насчет тяжелой жизни ты зря пошучиваешь. Проблема и в самом деле есть. Подумаешь – поймешь.

– Извини, – сказала Ольга покаянно. – Опять сболтнула не подумавши. Это со мной бывает. От Демона всякого нахватаешься. – Она тут же улыбнулась с прежней лукавой шалостью. – Насчет меня можешь не беспокоиться. Я не набиваюсь.

– А я этого и не говорю. Слушай, а можно откровенность

за откровенность? Со мной все более-менее ясно. А вот почему ты, вся из себя такая, и одна?

Пожалуй, вопрос ей пришелся не по вкусу, но она тут же, не задумываясь надолго, сказала решительно:

– Ладно, откровенность за откровенность. Попался один жуткий скот. Совершенно ничего страшного не случилось, но грязи было столько, что я три месяца отхожу. От подробностей избавь, ладно? – Ее прекрасные глаза яростно сверкнули. – Только не вздумай меня жалеть! Я в таких случаях стерженею!

– Размечталась, – с широкой ухмылкой сказал Алексей, глядя ей в глаза. – С чего бы вдруг мне тебя жалеть? Сама говоришь, что ничего страшного не случилось. А любая грязь в конце концов смывается. Что мы наблюдаем? Идет по городу молодая, очаровательная, английский как свой знает, мужики шеи до хруста выворачивают. И вдруг нате вам – жалеть ее. Ну уж нет. Даже и не подумаю.

Ольга пытливо присмотрелась к нему и сказала:

– А ведь ты, пожалуй, не врешь.

– Конечно, не вру, я вообще редко это делаю. Не по благородству души, а из чистого расчета. Понимаешь, когда врешь много, свои слова приходится постоянно в голове держать во всех деталях, не забывать, что именно наплел. Чересчур тягомотно, ну его.

– Тоже верно, – согласилась она уже вполне мирно.

– Еще по паре котлеток съедим?

Она потупилась и призналась:

– Мне неудобно, но я бы съела.

– А я тем более. – Он подозвал официантку.

К ее подъезду подъехали в половине первого ночи. Выйдя из машины, Алексей глянул вверх. Окна ее квартиры не горели.

Он повернулся к Ольге, стоявшей перед ним в расстегнутом светлом легком пальто, чуточку хмельной и на вид ничуть не печальной, и сказал:

– Не похоже, чтобы мама тебя с веником ждала.

– Ни с веником, ни с валидолом. Я ж говорила, она понимает, что у меня своя взрослая жизнь. Спят все, даже Демон. Хотя она иногда из любопытства и за полночь меня поджидает. У тебя младшей сестренки нет?

– Я говорил, что старшая есть. Это еще хуже.

– Почему?

– Она меня долго строила. На пять лет старше, ага, вся из себя взрослая такая. Только я потом из строя выломился, а там она и замуж вышла, к законному супругу переехала. Ты на чуточку нахальный вопрос не обидишься?

– Смотря на какой.

– А сегодня мама тебе не говорила: «Только пусть он предохраняется»?

– Это не нескромный вопрос, а дурацкий! – заявила Ольга. – Сроду бы она такого не сказала. Прекрасно знает, что я на первой встрече никогда... – Она поторопилась доба-

вить: – И на второй тоже. И на третьей. И вообще – с большим разбором.

– Интересно, а про меня ты что ей сказала? Должна же была предупредить, что за полночь вернешься.

В свете уличного фонаря над подъездом он хорошо видел ее лицо, ставшее при этом скудном освещении, пожалуй, куда более красивым и загадочным. Алексей прекрасно видел, что улыбка у нее до ушей.

– Хочешь правду? Сказала, что познакомилась с забавным но, похоже, вполне приличным парнем и он пригласил меня в хороший ресторан. Вот и все. А что ей еще было говорить? По-моему, она даже обрадовалась, после того как я три месяца все вечера дома сидела. – Ольга досадливо покривила губы. – Ну вот, опять на откровенность пробило. Ты меня все же подпоил.

– Просто я тот человек, с которым можно свободно говорить откровенно. Вот люди ко мне и тянутся.

– Да уж, сударь, от скромности вы не помрете.

– Да ну, просто я по жизни такой. Интересно, а что во мне вдруг нашлось забавного? Вроде ни на одном медосмотре никакие доктора никогда не находили у меня ничего такого.

– Не знаю. – Ольга пожала плечами и усмехнулась. – Вдруг взяло что-то такое да и проглянуло. Ах, да. – Она склонила голову к правому плечу и подставила ему щеку. – Выигрыш получи.

– Да ладно, – великодушно сказал он, если честно, подумав про себя: «У нас собственная гордость, мы мелкой монетой не берем-с».

– Я свои проигрыши всегда плачу, – заявила она чуть сварливо. – Хочешь, чтобы я обиделась?

– Не хочу, – искренне ответил Алексей, придвинулся вплотную и поцеловал ее в щеку, что вызвало в его душе бурление чувств, вполне понятных и простительных для любого нормального мужика.

И духами от нее пахло незнакомыми, но очень приятными, и лифчика она не носила, и красивая до того, что спасу нет. А главное состояло в том, что было в ней еще что-то неуловимое, неопишное словами.

«А впереди, что очень печально, все та же полнейшая неопределенность. Знал бы, что за жуткий скот, убил бы, – сердито подумал он. – Такую девочку грязью забрызгать. И ведь сумел же как-то, раз она три месяца одна. Ольга правду говорит, в этом нет никакого сомнения».

– Теперь дашь телефончик? – спросил Алексей.

Она чутьточку задумалась и сказала:

– Теперь, пожалуй, дам. – Девушка достала телефон из кармана пальто. – Забивай.

Он забил и позвонил для проверки. Ее телефон тут же ожил.

– Не доверяешь? – поинтересовалась она.

– Просто связь проверяю. Первое правило пограничника.

– Я всегда честно играю. Чужих номеров не подсовываю, просто, если что, свой не даю, да и все.

– Верю. – Он чуть помолчал и сказал так, словно прыгал в холодную воду: – Оля, давай встречаться.

– Я подумаю, – сказала она, глядя на него уже с натуральнейшим кокетством.

– Я тебе завтра позвоню. У тебя какие планы на выходные?

– Да никаких, собственно. Подчитать надо бы кое-то по курсовой.

– Вот и прекрасно, – сказал Алексей. – И у меня, так уж сложилось, выходные свободные. А то иногда так задержают. Есть планы на оба дня.

– Ну да? И когда ты все успел обдумать?

– А пока в ресторане сидели. Ты к животным как относишься?

– Да вполне положительно. Если только это не бешеная собака. А что?

– Ты слышала, в город цирк приехал?

– Ага. Сто лет не была.

– Вот тебе и первый вариант. Идем в цирк. У меня знакомый ходил в ту субботу с женой и сыном. У них там интересная примочка есть. Всех желающих фотографируют между двумя слонами.

Ольга поежилась:

– Они такие здоровенные!

– За все две недели, что они здесь, ничего жуткого не случилось. Слоны – животные мирные. Человеку на ногу они ни за что не наступят. Поехали? Между слонами сфоткаемся?

– Заманчиво. А вторая идея?

– Ты когда в нашем зоопарке последний раз была?

– Лет десять назад. Все как-то не складывалось.

– И я чуть ли не столько же. Значит, мы оба жирафов не видели. И зубров тоже. Их ведь совсем недавно привезли. Поедем смотреть? Что ты смеешься?

– Потому что непривычно, – ответила она. – В рестораны меня водили, в ночные клубы тоже, про дискотеки я не говорю. Один оригинал нас с девчонками на мужской стриптиз затащил – ну, сходили для интереса. А вот ни в цирк, ни в зоопарк никто ни разу не приглашал.

– У пограничников фантазия работает.

– Да уж. Одно твое гаданье по руке взять...

– Так я беру билеты и звоню?

– Ну, посмотрим. – Ольга чуть придвинулась к нему, так что теперь их разделяло не более шага. – Только имей в виду, я девочка трудная.

– Да? А мне показалось, что с тобой легко.

– Со мной нужно долго и упорно. Ты понял?

– Чего ж тут не понять? Оля, я упрямый. И лошадей никогда не гоню, честное слово.

– Правда?

– Чистейшая. Иногда нужно гнать, а в другой раз – плыть

по течению, куда события несут.

– Это тоже пограничная философия? – осведомилась Оля с улыбочкой, опять-таки чуточку кокетливой.

– Жизненная, пожалуй. Но ведь устраивает она тебя?

– А почему бы и нет? Терпеть не могу, когда на первом свидании мне под юбку лезут. И на втором тоже. И на третьем.

– А как насчет сотого?

– А ты столько выдержишь? – Она прищурилась.

– Честно говоря, нет. Такого ни один мужик, наверное, не выдержал бы. Кроме разве что безнадежно влюбленных.

– Но ты-то, надеюсь, не будешь мне вкручивать, что с первого взгляда в меня влюбился?

– Не буду, – сказал он. – Что-то я в любовь с первого взгляда не верю. Просто...

– Что просто? – Она прищурилась уже совершенно по-кошачьи.

Иногда откровенность лучше всякой уклончивости или дипломатии.

Алексей знал это и сказал:

– Веришь ты или нет, не знаю, как растолковать. Красивых туча, а в тебе есть что-то еще, чего словами не объяснишь. Вот меня и потянуло. Я ничего хамского не ляпнул?

– Да ну, с чего бы? Забавно, но вот таких комплиментов я что-то не слышала. Про красивую сто раз говорили, про сексапильную столько же, а такого... Интересно, что во мне

еще есть?

– Я же сказал, словами не объяснишь. Может, пойму когда-нибудь.

– Если время будет, – заявила она.

– А ты мне его дай побольше.

– Там будет видно.

Вот теперь это была самая обычная девчонка. Она не щетинулась, смеялась и кокетничала в обычном стиле, берущем начало неизвестно с каких незапамятных времен.

– Вот так, значит, – сказала Ольга. – Что-то необъяснимое. Интересно. А знаешь, не прими за комплимент, но кажется мне, что в тебе тоже что-то такое есть. Вроде бы я временами это чувствую.

– Ух ты! – сказал он. – А можно я на седьмом небе побуду?

– Только недолго, чтобы крылышек не опалить. Там, говорят, еще и огонь.

– Все, уже спикировал на грешную землю. Ну, спокойной ночи.

– Жаркого поцелуя у подъезда ты, случайно, не ждешь?

– И не думаю. Я же слышал, что ты девочка трудная.

– Вот именно. Спокойной ночи! – проговорила она и легкой походкой пошла к подъезду, распахнула дверь, обернулась и помахала рукой.

Эта мелочь была ему чертовски приятна.

Шофер Миша, старше его лет на десять, доморощенный философ – представители этой профессии вообще туго зна-

ют жизнь – спросил:

– Домой?

– Домой, – сказал Алексей, откинул сиденье назад и блаженно вытянул ноги.

Дядя Миша, трогая машину, поинтересовался:

– Что, ладится дело? Расстались вроде хорошо, правильно.

Постороннего человека Алексей сразу оборвал бы, чтобы не лез не в свои ямщицкие дела, но дядя Миша возил его уже три года, особенно в тех случаях, когда ему самому сесть за руль мешал алкоголь.

Поэтому Алексей сказал чистую правду:

– На первый взгляд вроде ладится, а так – кто знает.

– С ними всегда так, – философски заключил дядя Миша. – Приятная девочка. Что ж ты ее ни разу не приобнял в машине? Я, каюсь, временами поглядывал. И не похоже, чтобы поссорились, но сидели как юные пионеры.

– К чему гнать лошадей? – усмехнулся Алексей. – Хорошая девочка и трудная, как она сама сказала. Полное впечатление, «не такая».

– А вот это хорошо, – сказал дядя Миша. – Мы же вечно в баню тягаем «таких», а сами стараемся найти «не такую». Жениться тебе надо, Алеха. Который годочек пошел.

– Эта тема покрыта мраком неизвестности, – проговорил Алексей. – Кто моя будущая жена, представления не имею, хотя когда-нибудь она должна появиться.

– А может, вот эта? У нее лицо хорошее. И твердая, говоришь.

– Не гони лошадей, – отмахнулся Алексей.

Он толком не представлял, какой должна быть его будущая жена – а ведь рано или поздно придется жениться, не ждать же до ста лет! – но пока что очаровательная девушка Оля с законной супругой не ассоциировалась никак. Рано было о таком думать. Ведь Алексей, по большому счету, совершенно ее не знал.

Лист 3

– Ну и как я тебе за рулем? – спросила Ольга вроде бы равнодушно, но Алексей видел, что она с волнением ждет его оценки.

– Ты и за рулем очаровательна, – сказал он.

– А если серьезно? – настойчиво проговорила она, не отрывая взгляда от дороги.

– Если серьезно, все нормально, – сказал он, чуть подумав. – В руль не вцепляешься, как алкаш в последнюю бутылку, нормально держишь, на «без двадцати четыре». Шестнадцать верст сюда ехали, так ты не только ни в кого не вмазалась, но и аварийной ситуации не создала ни разу, не дала ни единого повода кому-то матюгнуть очередную блондинку за рулем. И паркуешься нормально. Вот только, уж извини за прямоту, немножечко ползешь. Всю дорогу самое большое выходила на пятьдесят пять. А по этой трассе обычно гонят девяносто. Она широкая, домов мало, светофоров тоже, улицу редко-редко кто вздумает перебежать. Так что девяносто здесь – вполне допустимый гламур. Лихачи не в счет. А движок у тебя хороший, вполне себе тянет. Гаишники тут редко торчат, может, оттого, что их издали видно, и скорость можно вполне сбросить, по себе знаю.

Она чуть улыбнулась, не поворачиваясь к нему, по-прежнему не сводя взгляда с дороги, и сказала:

– Страшноватенько. Я редко езжу, хорошо, если раз в неделю. У обеих закадычных подруг машинки, так что я с ними, и в универ, и на пляж. У них позавчера просто были срочные дела, они не могли меня дожидаться.

– А что, отец в универ машину не дает?

– Да нет, он давал бы. Только вот скажи, ты нашу университетскую стоянку видел?

– Видел, но особо не приглядывался как-то.

– Там одни иномарки, и старые, и новые.

– Так и у тебя машина рухлядью не выглядит. Ухожена, хорошо покрашена. Отец, вижу, следит за ней.

– Ты не понимаешь, – сказала Ольга. – Это уже типично женская логика. Я бы там единственная была на «ведре с гайками». А для девушки это все равно что в платье десятилетней давности на людях появиться.

– Вот не знал, что женская логика и на машины распространяется, – сказал он искренне, сдержав улыбку.

– Женская логика на многое распространяется. Не хотелось бы мне, чтобы на меня смотрели как на Золушку. У вас, мужиков, логика другая. Я сколько раз видела. Едет черт знает на чем, даже на «Победе», на «Москвиче», которому полсотни лет, и ничего, веселый, с таким видом, будто весь мир у него в кармане.

– Да уж, мы такие, – заявил он и подумал, что неплохо было бы купить ей какую-нибудь хорошую, нулевую женскую машинку.

Но ведь она не возьмет такой подарок. Он уже понемногу начал чувствовать ее.

– Оля, сбрось до тридцати, – сказал Алексей. – Вон там, слева, синюю с золотом вывеску видишь?

– Ага.

– Мимо нее дорога проселочная. Вот нам туда. Так, сзади никого.

– Я вижу.

– Пропусти джигита на джипе, очень уж он прет, и сворачивай туда, на ту дорогу.

Она дисциплинированно включила поворотник, хотя, на его взгляд, могла бы сделать это и чуть попозже, съехала с асфальта и заявила:

– Ах, вот оно что. Шашлычная...

Полукруглая вывеска красовалась на двух железных столбиках. Сверху полукругом шла надпись «Золотой шампур», а ниже очень реалистично, в три краски, был изображен шампур с шашлыком, исходящим аппетитным паром.

– Ага, – сказал Алексей. – Причем отличная. Ты будешь смеяться, но и ее мы с Пашкой строили в позапрошлом году. А вывеску Васька Сомов рисовал, небездарный художник. Тот, что свою машину золотыми рыбками сплошь изрисовал. Может, видела в городе?

– Несколько раз. И пару картин его видела.

– Знаточи говорят, способный парень. У меня одна есть, очень уж понравилась. Теперь все прямо и прямо, так в во-

рота и упрямся. Время самое подходящее, а то мы после завтрака только по чебуреку съели. Их к кулинарным шедеврам не отнесешь. Это я как старый повар тебе говорю.

– А там шедевры?

– Ну, шедевры не шедевры, а шашлыки отличные. Когда в Дивный по делам мотаюсь, всегда тут обедать стараюсь. Вообще, место у знающих людей популярное.

– Я о нем и не слышала.

Алексей усмехнулся и заявил:

– Значит, кому-то было лень тебя сюда возить.

«Или жмотничал, – добавил он мысленно. – Даже у самых красивых девушек кавалеры порой бывают жуткими жмотами».

– Ага, приехали. Возле крайней машины паркуйся.

Перед ними был длинный зеленый забор из штакетника человеку по пояс, за которым, за широкими распахнутыми воротами виднелись домики с зелеными крышами. Над этими воротами красовалась увеличенная копия рекламного щита, а вдоль забора выстроились как по линейке десятка два машин.

– Вот про это я и говорила, – сказала Ольга чуть грустно. – Золушкой себя чувствуешь.

Особо уж роскошных тачек тут не наблюдалось, но все как на подбор были импортного происхождения – несколько джипов, пара «Мерседесов», пусть и не «шестисотых», но довольно новых. Их ужас отечественного автопрома оказал-

ся единственным таким средством передвижения.

– А наплевать, – сказал Алексей уверенно. – Как выразился бы американский человек, деньги у меня того же цвета, что и у них.

Ольга аккуратненько припарковалась возле бежевого «Мерседеса», где два человека явно кавказского обличья листали какие-то бумаги. Алексей отметил краем глаза, что когда Ольга выбралась из машины, они оторвались от своего дела и проводили ее теми самыми взглядами, за которые кавказским людям почему-то всегда хочется надавать по роже, причем качественно. Это был пустячок, не стоящий особого внимания. Он уже привык к тому, что мужчины частенько провожают Ольгу взглядами, и ничего удивительного в этом не видел.

Слева от ворот на деревянной подставке в виде буквы «А» стоял довольно большой и высокий деревянный щит, сверху донизу покрытый надписями и цифрами, исполненными весьма раскудряво.

– Тоже Вася Сомов, – сказал Алексей.

– Ага, я поняла, – произнесла Ольга. – Это они на западный манер устроили, да? Чтобы каждый, еще не заходя, сразу видел, что тут почем?

– Так оно и есть, – подтвердил Алексей. – В ногу с Западом шагают, веяния перенимают. Как тебе ассортимент?

– Фантастика!.. – сказала она, вчитавшись в меню. – Из баранины, свинины, говядины, курятины, крольчатины, олени-

ны, индейки, перепелов, осетрины. Следовало бы ожидать, что и из медвежатины шашлык будет.

– Вот этого лучше не надо, – заявил Алексей. – У нас в области среди медведей давненько уж трихинеллез свирепствует. О деталях промолчу, чтобы тебе аппетит не отбивать. Просто скажу, что есть медвежатину категорически не рекомендуется.

– Понятно. А «шашлык любительский» – это что?

Он беззаботно махнул рукой.

– Проще говоря, ассорти. По кусочку всякого мяса на один шампур нанизано. Тебя такое привлекает?

– Как-то не особенно. Я бы что-то одно съела.

– Осетрину, а?

– Ага, – призналась она. – Так-то я пробовала, но шашлыка из нее – ни разу.

– Будет тебе осетрина.

– Вот только цены...

– Ольга Петровна!.. – сказал Алексей убедительно. – Я тебе еще в «Хачапури» говорил, что цены – не твоя забота. Они тут, конечно, повыше городских, но порции весьма изрядные. Точно тебе говорю, съешь два шампура, потом, может, и ужинать не захочешь.

Он не просто ухмыльнулся про себя, даже мысленно похотал. Потому что «шашлык любительский» и в самом деле был рассчитан на особого посетителя, готовился из бараньих яиц. Но Ольгу посвящать в эти гурманские тонкости, пожа-

луй, не стоило. Чего доброго, аппетит напрочь отшибет. Сам он к такому деликатесу относился спокойно, но попробовать почему-то никогда не хотел.

Они вошли в ворота. Теперь Ольга рассмотрела, что это не домики, а натуральные беседки: на бетонных фундаментах, окруженные невысокими балюстрадами из красиво обточенных столбиков. Их тут было десятка два, и все они оказались заняты разными компаниями, как шумными, так и вполне спокойными. Из динамиков, надежно укрытых где-то, лилась приятная негромкая музыка.

– Все занято. Нам и пристроиться негде, – сказала она растерянно.

– Не гони лошадей, Ольга Петровна, – заявил Алексей и усмехнулся.

Навстречу им вышел человек лет сорока в белоснежной поварской куртке. Ольга сразу увидела в нем что-то немножко необычное. Сам светловолосый и светлоглазый, но лицо не славянское, а, такое впечатление, чуточку кавказское.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Здравствуй, Алеша, – сказал человек в белом.

– Здорово, Сосланбек. Ну и как, стоит твоя ресторация?

Человек блеснул великолепными белыми зубами и заявил:

– Алеша, то, что ты строишь, сто лет стоять будет.

– Знакомься, это Оля.

– Сосланбек. – Хозяин заведения прижал руки к груди и

поклонился. – Алеша, хорошо, что заранее позвонил, а то я не знал бы, что и делать, как вас принять.

– Так я ж знаю, что у тебя в воскресенье мест нет.

– Пойдемте, дорогие гости.

Примерно четвертушечка ресторана была окружена высокой живой изгородью. Там стояли чуть другие беседки, гораздо меньше тех, в которых гуляли компании. Вместо балюстрады по пояс человеку – ажурная деревянная решетка в восточном стиле, до самой крыши.

Ольга решила, что они предназначены для парочек. Она окончательно в этом убедилась, когда они поднялись по двум ступенькам и оказались внутри. Точно, беседка рассчитана была только на двоих.

– Алеша, ты, конечно, на кухню? – спросил Сосланбек.

– Конечно. А девушке бы прямо сейчас что-нибудь попить. Только не вино, она за рулем.

– Молодец девушка, – сказал Сосланбек. – Я сейчас скажу Васо, тот принесет.

Он удалился в сторону самого большого строения, натурального домика, открытого с одной стороны, как и все беседки. Там дымили мангалы, выстроившиеся длинной шеренгой. Пузатый человек в белой куртке без излишней спешки манипулировал шашлыками.

– Сейчас тебе Васо газировочки принесет, – сказал Алексей. – А я на кухню. У Сосланбека так заведено. Завсегдатаи всегда туда ходят и самолично выбирают шампур. А то и

сами чуток их вертят так, как им нравится. Так что будет тебе осетринка по высшему разряду. Минут десять поскучай, не пожалеешь. – Он направился в сторону кухни.

Минуты не прошло, как в беседке объявился совсем молодой человек, поставил перед Ольгой бутылку «Швепса», два низких широких стакана, блюдечко с кубиками льда, поклонился так же, как давеча Сосланбек, прижав ладони к груди.

– Пейте на здоровье, – сказал он.

Ольга налила себе до половины, бросила маленькими щипчиками два кубика льда и с удовольствием отпила. А ведь Алексей запомнил, что она любит «Швепс»!

Ей здесь нравилось. Все сделано очень красиво, дерево отшлифовано и обожжено паяльной лампой. Интересно, это тоже Вася Сомов работал или люди Алексея?

– Девушка, а девушка!..

Она подняла глаза и досадливо поморщилась. У столика стояли те два типа, что сидели с бумагами в «Мерседесе», возле которого они припарковались. Это были самые что ни на есть классические джигиты – когда улыбаются, целая выставка золотых зубов, по две увесистые гайки на пальцах, часы, сразу видно, золотые. Взгляды соответствующие, которые потом хочется под душем смывать.

– Девушка!.. – с давно знакомой интонацией начал тот, что стоял справа. – Это ведь вы на смешной машинке подъехали? Ай-ай-ай... Не должна такая красивая на такой убогой машинке ездить. «Мерседес» наш видела? Покататься не

хочешь?

– Меня в «Мерседесах» укачивает, – ответила она холодно.

Как и всякая девочка из большого города, к своим годам Ольга накопила немалый опыт по части отшивания уличных приставал, особенно таких вот. Она прекрасно знала, что эти типы ни за что так просто не отвяжутся. Сейчас начнется. Испуга, конечно, ни малейшего. Она вообще была не из пугливых. Да и не в темном переулке все происходило, а среди бела дня. И Алексей поблизости, и хозяин ресторана, уже ясно, его хороший знакомый. Досадно просто, что такие рожи воскресный отдых чуточку портят, вот и все.

– А если попробовать, то, может, и укачивать не будет? – продолжал тот же джигит.

Второй, если можно так выразиться, аккомпанировал ему улыбками и сальными взглядами.

– Хочешь, мы другую тачку подгоним, где тебя укачивать не будет?

– Меня иногда во всех укачивает, – отрезала Ольга.

– Красивая, так не бывает. Поехали кататься.

– Я здесь со своим мужчиной. Вы должны были это видеть.

Золотозубый тип презрительно поморщился и заявил:

– Красивая, мужчина – это тот, у кого деньги есть. А у кого денег нет, тот самец. Что это за мужчина, если его девушка возит, да еще на таком старье? – Он сменил тон на

крайне деловой: – Ну ладно, я понял, ты гордая. Никаких проблем. Такие намного дороже стоят, я понимаю. Вот это видишь? – Джигит извлек из внутреннего кармана пиджака толстую пачку долларов, не схваченных, как обычно, резинкой, развернул веером. – Посмотри, сколько тут президентов. Все американские. Какую сумму ты хочешь за пару часов в сауне? А может, на постоянное обслуживание договоримся? Тогда тебе совсем хорошо будет. Ну так сколько тебе надо?

Ольга, глядя ему в глаза, с обворожительной улыбкой, очень вежливо сообщила, куда он себе может засунуть свои баксы. Можно даже в трубку не сворачивать.

Он не разозлился, как с этими типами иногда бывает, блеснул золотом ротовой полости.

– Это я тебе туда засуну, и не доллары. Ну так ты как, сама пойдешь или тебе ножик показать и красоту подпортить?

Ольга и сейчас не испугалась. Джигит наморщил кожу на лбу, но как-то плохо у него получалось казаться страшным. Может, в кармане нож и в самом деле найдется, но махать им в хорошем ресторане средь бела дня будет только законченный отморозок. Эти двое на таких никак не похожи – пузатенькие, сытенькие.

Появился Алексей, небрежно привалился плечом к столбику, сложил руки на груди и принялся что-то насвистывать с совершенно спокойным лицом.

– Э, слушай... – недовольно начал тот же самый оратор и

как-то сразу осекся.

Ольга Алексея прямо-таки не узнавала, еще ни разу не видела его таким. Взгляд у него был невероятно холодным, лицо застыло нехорошей маской. Он ни слова не сказал, с места не сдвинулся, все так же насвистывал. Ольга прекрасно видела, как эти джигиты занервничали, затоптались.

– Я тут краем уха слышал, кто-то про ножики говорил, да? – спросил Алексей совершенно нормальным тоном. – И про то, что девушке красоту подпортит? Было такое дело?

Он неторопливо, спокойно вынул из правого внутреннего кармана джинсовой куртки черный пистолет с коричневой рукояткой, переложил его в левый, улыбнулся одними губами. Ольге вдруг показалось, что от него явственно веет холодом.

Потом Алексей с расстановочкой произнес:

– Ну, доставай, что у тебя там, ювелирка ты ходячая.

Вот тут Ольга увидела, что их проняло по-настоящему. Они сей же момент сбежали бы, но двинуться боялись.

Наконец тот джигит, что все время молчал, прижал обе руки к груди и невероятно проникновенно возопил:

– Командир, прости, ошиблись, да! Мамой клянусь, перепутали! Извини тысячу раз, командир! Можно, мы уйдем, слушай, да?

Алексей сделал рукой брезгливое, скупое движение, словно муху отгонял.

Герои расценили это совершенно правильно и рысцой ки-

нулись прочь, ни разу не оглянувшись. Оказавшись за живой изгородью, они вспомнили, что являются людьми степенными, а главное, убедились в том, что погони за ними нет. Джигиты перешли на быстрый шаг и направились прямехонько к воротам, за которыми моментально скрылись.

Алексей, выглядевший теперь совершенно прежним, присел напротив Ольги, плеснул себе тоника, усмехнулся и спросил:

– Не испугалась?

Она гордо повела плечом и ответила:

– Ничуть. Я девочка городская, повидала таких вот. Даже настроение нисколечко не испортили. Дешевка самая натуральная.

– Вот и молодец! – Он улыбнулся. – Да, действительно, было бы из-за кого нервы тратить. Минут через пять будут наши шашлычки. Я сам осетринку отбирал.

– Алеша, а ты в юности, наверно, часто дрался, да?

Он пожал плечами.

– Да как все. В меру.

– А пистолет тебе зачем? У тебя что, проблемы какие-то? Алексей засмеялся искренне, весело, ничуть не обидно.

– Ольга Петровна, с тобой не соскучишься. Вот, смотри. –

Он достал пистолет, оттянул затвор.

Ольга в оружии совершенно не разбиралась, но знала, что эта штука зовется затвором. Дедушка как-то говорил.

Открылся тоненький, совсем несерьезный на вид ствол, и

чуть ли не на всю длину зиявший широким пропилом. Потом Алексей нажал что-то, и затвор со щелчком вернулся в прежнее положение.

– А что это значит? – спросила Ольга. – Я в оружии совершенно не разбираюсь, разве что пистолет от автомата отличу.

Он пояснил без тени снисходительности, что ей понравилось:

– Понимаешь, Оля, с таким пропилом он и жвачкой не выстрелит. Это всего лишь кусок железа, которого Уголовный кодекс не касается совершенно. Но пистолет настоящий. В свое время государство деньги делало на таких вот штуках. Оружейные склады у нас громадные, там до сих пор лежит даже то, что в Отечественную использовалось. А то, говорят, и пораньше, в Первую мировую. Ну вот, взяли сообразительные люди кучу пистолетов и револьверов, привели в совершенно нерабочее состояние и сдали в оружейные магазины. Многие покупали. Очень удобная штука. Ты знаешь, что такое виктимность?

– Конечно. Как-никак в универе учусь.

– Так вот, я человек совершенно не виктимный, жизнью проверено. Но в наше времена полезно все же в кармане что-то такое держать. Год будет лежать, не пригодится, а потом – р-раз! И что бы ты без него делал? Сама видела, как действует. Газ, резинки – это все игрушки. Так надежнее. Стрелять в человека сплошь и рядом не обязательно. А вот если он

сам будет уверен в том, что сию минуту пулю в лоб получит, то совсем другой расклад образуется.

– И что, приходилось?

Он усмехнулся и ответил:

– Сегодня – третий раз за семь лет. Один раз было дело в Новосибирске. Веселый там, знаешь ли, железнодорожный вокзал. Иду я спокойно, никого не трогаю, подходят двое черных, кажут здоровенный ножик и предлагают отдать все, что нажито непосильным трудом. А там подземный такой переход, место глухое. С пистолетами тогда и патроны продавались, тоже железячки холощенные. Вынимаю я обойму, показываю им и спрашиваю: «Ну что, абреки и кунаки, убедились, что это не газовик и не пугач?» Они тут же, как эта парочка только что, заныли. Дескать, ошиблись, брат, расходимся с миром. Так и разбежались. Они же не резаться или стреляться вышли, лоха хотели облегчить. А второй раз уже здесь. Прямо у машины подпрыгнули ко мне двое гопников. Борсетку, наверное, отжать хотели, ключи от машины или все вместе. Ну, я одному попросту залепил рукояткой в лоб. «Макар», между прочим, почти килограмм весит. Он и улетел в кустики культурно отдохнуть. Второй сам слинял. Так что польза от этой штуковины иногда бывает. Знаешь, читал я где-то, как американских полицаев учат. Говорят им так: «Никогда не ходите и не думайте, нападут ли на вас сегодня или нет, а если да, то когда. Живите с мыслью о том, что напасть на вас могут всегда, в любую секунду. Соответственно,

будьте готовы в любую секунду шлепнуть гада». В этом наверняка что-то есть.

– Алеша, а это не чеченцы были?

Он рассмеялся так же необидно и весело, потом ответил:

– Чеченцев в Шантарске полтора человека, а разговоров о них!.. Да и ведут они себя тихо. Между прочим, в этой ситуации держались бы совершенно иначе. Чего у чеченца не отнимешь – он человек гордый, и если дерется, то на полном серьезе. Их можно не любить, но уважать надо. Наши мужики этот настрой крепенько подрастеряли. А ты обратила внимание, что у Сосланбека и Васо лица, скажем так, не вполне славянские?

– Ага. Но они ведь белобрысые. А у Васо глаза и вовсе синие.

– Осетины, – сказал Алексей. – Все четыре брата. Так что ни один чеченец в здравом уме и трезвой памяти сюда на километр не подойдет. У них бог знает с каких времен кровная вражда лютая. Соответственно, ни один осетин в «Терек» не сунется, разве что с пулеметом и с конкретной мыслью. – Он достал сигареты. – И не грузины, конечно. У осетин с ними тоже ох как не айс. Особенно после восьмого года. Не азербайджанцы. Этих я бы узнал. Стопудово армяне. Самая неопасная и несерьезная публика в кавказском списке тех, с кем, возможно, хлестаться придется. Скорее всего, торгаши с Западного рынка. Он весь абсолютно за ними, сама, может, знаешь. Или, вот смех, такие же строители, как и я. В нашем

деле армян очень много.

– А интересно, если бы я твоего Сосланбека на помощь позвала?

– Вышел бы четвертый брат, Коста. Я говорил, их тут четверо. Сосланбек директором, Темир – кухарь от бога, Васо, самый молодой, – официант, а Коста вместо швейцара. Скажу так чисто из вежливости. – Алексей засмеялся, покрутил головой. – Не видела ты его. С эту беседку ростом, в плечах соответственно. Сама ведь знаешь, даже в самых приличных ресторанах всякий народ попадается, скандальчики бывают. Тут тоже иногда такое случается. Вот тогда Коста и выходит.

– Он бы их побил?

– Экая ты кровожадная, Ольга Петровна. Косте драться раз в сто лет приходится, когда попадутся вовсе уж законченные отморозки. Он обычно добрым словом обходится. Или вежливенько берет нежелательного клиента за штаны и за шиворот и выносит за ворота. Видел я разок. Зрелище, скажу тебе, занимательное.

– Хотела бы я на это посмотреть, – сказала Ольга, усмехнулась и оглянулась так, словно надеялась, что поблизости возникнет скандал и появится грозный Коста.

Но, судя по звукам, долетавшим до них, в заведении все обстояло пристойно. Да из-за высокой живой изгороди и не видно было беседок, рассчитанных на большие компании.

Алексей перехватил ее взгляд и понял суть дела.

– Зря надеешься, – с улыбкой проговорил он. – Такое тут

редко случается. Я за год только раз и видел.

– Значит, осетины. А я раньше как-то и не приглядывалась.

– Осетины – правильные ребята, – сказал Алексей. – Я с ними служил. Вот этих четырех братьев взять. Пашут с весны и до холодов, а потом едут к себе в Южную Осетию, помогают родственникам хозяйства восстанавливать. У них там столько порушено!..

– Они тоже мусульмане?

– Да нет, в основном христиане. Но мусульмане тоже есть. Хотя капелюшка специфики и у христиан есть. Знаешь, как будет по-осетински святой Георгий? Джоргуыба. А если насчет меня, то я по-осетински буду Алыкси. С ударением на «ы».

Ольга усмехнулась и заявила:

– Теперь буду знать, как тебя дразнить, если что.

– А при чем тут дразнилки? – серьезно спросил он. – Просто мое имя так на осетинском звучит...

– Интересно, а Ольга у них есть?

– Дай вспомнить. Сразу и не скажу. Ага! Есть. Только не Ольга, а Оленька. По-осетински звучит как Уелинка. С ударением на «и». Так что кто кого будет дразнить, еще неизвестно, Уелинка.

– Мерси, Алыкси. Ага, я только сейчас сопоставила. Знаешь, у нас на четвертом курсе есть одна осетинка, Таня Билендро. Красивая, спасу нет. Блондинка, глаза голубые. И в

лице что-то такое, неуловимое, не совсем славянское. Но не так ярко выражено, как у этих братьев. Парни за ней маршируют рядами и колоннами. Только она страшно гордая, всех отшивает. А наглеть с ней особо не стоит. У нее два брата. Давно ходят разговоры о том, что они за сестру любого зарежут.

– Эти могут, – серьезно сказал Алексей. – Вот в этом плане – кавказцы типичнейшие. Честь сестры – дело святое.

– А правда, что они ее зарежут, если она станет с русским парнем роман крутить?

– Да ну, напелл тебе кто-то. Приличные люди, христиане. А что, неужели было что-то такое?

– Да нет. Было один раз, но по-другому. У нас один мажорик вздумал за Таней очень уж хамски приударить. Приехали двое парней, прямо посреди занятия вызвали его вежливо. Тоже светловолосые, сероглазые. Поговорили с ним в уголке, тихо так, культурно. Только он потом неделю ходил с таким видом, словно вот-вот в штаны навалит. И Таню третий месяц обходит за километр. Только знаешь что? Девчонки на факультете – это же натуральная контрразведка. Вот они и шепнули мне по секрету, что у Тани есть кто-то. Только она шифруется со страшной силой. Алеша...

– Да, Уелинка?

– А ты бы мог за меня человека зарезать?

– Чистую правду? – спросил он очень тихо и очень серьезно. – Мог бы. Но только за что-то по-настоящему серьезное.

За что иначе просто нельзя.

– Это я так, теоретически. Со мной ничего такого, за что по твоей теории стоило бы резать, не случилось. Даст Господь, и не произойдет.

– Дай-то бог, – сказал он так же серьезно. – Ну вот видишь, а ты говорила, что ничего про осетин не знаешь.

– Я не говорила. Я просто про Таню как-то забыла. Сейчас только о ней подумала. Мы с ней и не общались. Я опять этих типов вспомнила. Ты уверен, что это армяне?

– Стопудово.

– Строители, – произнесла она задумчиво. – Значит, и такие бывают. Как-то даже и сравнивать нельзя тебя и этих моральных уродов. Не могу представить, как они что-то строят. Я понимаю, эти ребята сами кирпичи не ворочают. Ты тоже этого не делаешь, но тут совсем другое. Вот тебя я вижу. Ты стоишь в каске и распоряжаешься. Иногда грязный до ушей, да?

– Бывает. А когда аврал, случилось и самим то да се ворочать. И мне, и Максу, и Пашке. Даже Пашкина Маринка как-то раз помогала люстры разгружать. От Дивного тогда шла жуткая туча. Мы едва успели. Минут через пятнадцать так ливануло!

– Ну вот. А этих я не могу представить, не вижу, как они грамотно руководят.

– А они сплошь и рядом и не руководят. – Алексей иронически хмыкнул. – Они, понимаешь, инвестиции привлекают.

То бишь бабки обеспечивают. И нанимают команду, которая им наймет команду. Я с армянской общиной иногда контачу по нашим делам, знаю там не одного человечка, осмотрелся, освоился. Всякий народ есть. Но руки пачкать они точно не любят, особенно если стоят хоть чуть-чуть высоко. А знаешь, ведь эти двое – еще ангелочки. Ну да, девочек хамски снимают, золотом трясут. Есть другие. В сто раз хуже, хотя в обращении совсем не такие, никаких тебе «Пошли, красивая!».

– Бандиты?

– Да нет, другого плана. Могу как-нибудь показать, если будет такое желание.

– Конечно, будет! – живо воскликнула Ольга. – Интересно ведь. Совсем другой мир, видимо, открывается.

– Да уж. Кстати, если угодно, я повожу тебя по парочке своих объектов, по тому же Счастливому. Посмотришь, что и как. Увидишь, как дома получают. Хочешь?

– Еще как. Заранее чувствую, очень интересно будет. Я... – Ей вдруг пришла в голову совершенно другая мысль, и она осторожно сказала: – Леша, ты только не обижайся. Мне тут вот что в голову пришло. Может, ты столько лет пистолет таскаешь только из-за того, что в пограничниках не в дозоры ходил, а кухарил без всякого оружия?

– Да, в этом что-то есть. – Алексей ничуть не выглядел обиженным. – Точно, в армии больше всех от оружия балдеют повара и писарчуки, потому как им в руки оно попадает

раз в сто лет и каждый день его драить не приходится. Наверное, ты права.

– А тебе в дозоры хотелось? В секреты?

– Догадываюсь, откуда такое знание терминологии. От деда, конечно. Разве нет?

– Ага.

– Конечно, да еще как. Кому бы в двадцать лет не хотелось? Только армия есть армия. Одному автомат сунут, другому торжественно поварешку вручат. Так уж там принято. – Он замолчал.

Появился молодой Васо с большущим подносом, стал расставлять на столе овальные фарфоровые блюда с шампурами, тарелочки с зеленью и тонко нарезанным сыром – Ольга такого никогда раньше не видела – соусники и чашечки с разноцветными густыми жидкостями, пахнущими вкусно и незнакомо.

Закончив с этим, он прижал руки к груди, склонил голову и сказал:

– Кушайте на здоровье.

Васо ушел.

Воцарилась тишина, только ножи и вилки постукивали да Алексей объяснял порой, что за приправа в той или иной чашечке. Поедание отличного шашлыка, приготовленного настоящим мастером, – дело серьезное и ответственное, требующее сосредоточенного молчания. Конечно, в том случае, когда за столиком сидят молодой человек и девушка, у кото-

рых к шашлыкам только две бутылки тоника.

Развеселая компания с немалым запасом спиртного вела бы себя совершенно иначе. Наглядным доказательством тому был тот самый развеселый шум за живой изгородью. А тут, в их уютном уголке, стояла тишина.

Через ажурные деревянные решетки Ольга видела, что и в других маленьких беседках сидят парочки, но толком рассмотреть никого не могла. Все было распланировано хитро. Ни одна открытая стена беседки не выходила на другую, точно такую же. Она подозревала, что никаких случайностей тут нет, именно так и было запланировано.

Вовсе не зря освещение здесь давали только гирлянды маленьких разноцветных лампочек, развешанные по периметру беседки. Ольга подумала, что с темнотой тут становится вовсе уж уютно, и чуточку пожалела о том, что оказалась в этом заведении днем, да еще и в полной трезвости из-за машины.

Всяким вкусностям в конце концов приходит конец. На столе не осталось ни шашлыков, ни осетинского сыра, ни большей части приправ и зелени, ни свежайшего лаваша.

– Еще по шампурчику? – предложил Алексей.

– Шутишь? Я сегодня и правда ужинать не смогу.

– Шучу, конечно. Для кофе места хватит? У них тут, сама понимаешь, он не растворимый. Они до такого сроду не опускались. Я бы тебе сказал, как эти ребята растворимый кофе называют, но это не для нежных девичьих ушек, пусть

даже вполне современных.

– Хватит, пожалуй.

– Сейчас оформим, – сказал он и опустил руку под столешницу.

– Там что, кнопка? – осведомилась Ольга. – Ты на нее нажмешь, и Васо придет?

– Ага. Как в лучших домах Лондона. Васо кофе сразу принесет. Когда на кухне был, обговорил все.

Васо действительно вскоре появился с подносом, на котором красовался высокий кофейник с изогнутым горлышком, сразу отчего-то вызвавший у Ольги ассоциации с Кавказом, чашки и блюдечки с неизвестными сладостями.

Девушка отпила глоток, откусила кусочек чего-то вкусно-го, сладкого, рассыпчатого, блаженно откинулась на спинку скамейки и сказала:

– А хороший ты ресторан построил. Трудно, наверное, вот такое сделать?

– Интересно тебе?

– Ага.

– Не особенно трудно, если знать как. Пашка обеспечил материалы, а я рулил. Бетонировать было проще всего. Хотя и там есть свои хитрушки, и строитель должен быть в курсе. Нашел я две бригады хороших плотников, они как раз сели в простой, столярку подключил. Есть такая мастерская, с которой мы работаем. Она нам и для коттеджей в Счастливом много разного делает. Думаем скоро вообще ее купить. Ну а

хороших кровельщиков у нас в Шантарске хватает, печники тоже есть. Что ты головой покрутила?

– Это я удивляюсь немножко. Я ведь особа гуманитарная, для меня это диковинно.

– Что именно?

– Что один человек стоит и рулит всем. Ну, я понимаю, на самом деле он не стоит. Это так, в переносном смысле.

– Стройка, Оленька, такое дело, – серьезно сказал он. – На любой стройке, трудись там хоть многие тысячи народу, всегда есть наверху кто-то один-единственный, который всем рулит. Хоть в таком месте, хоть на ГЭС. Правда, тут имеется одно понятное обстоятельство. На моих объектах нервы так не горят, как у того человека, который рулит строительством ГЭС или какого-нибудь громадного машиностроительного завода. Хотя тоже бывает, что пару сантиметров спалишь. Тебе не скучно было все это слушать?

– Вовсе даже наоборот, – энергично проговорила она. – Мне даже завидно. Потому что про себя ничего интересного рассказать не могу. Лекции да зачеты. Ты же два года прочился, сам понимаешь. – Ольга достала из сумочки плотный конверт и вновь стала разглядывать снимок, где они с Алексеем, взявшись за руки, стояли меж двумя лобастыми серыми слонами, смиренхонько опустившими хоботы до земли.

Это был сувенир из вчерашнего цирка.

– Третий раз достаешь, – заявил Алексей и хмыкнул. –

Так нравится?

– Да нет, тут другое. Каждый раз смотрю и думаю, как я только смелости набралась между этими громадинами стоять? Мало ли что им в голову придет? Как приложит хоботом!..

Он проговорил заговорщицким тоном:

– Если честно, мне тоже самую чуточку было не по себе. Очень уж здоровенные, носатые.

– Я дома показывала. Мама тоже сказала, что ей было бы страшновато. Папа был в отгуле и чуток поддавши. Он заявил, что вообще в жизни не полез бы к этим мамонтам. Женька, конечно, как и всегда, всем наперекор, нос задрала и выдала, что вообще на шею бы к этому слону залезла, если бы пустили.

– Погоди-погоди. А ведь это значит, что ты меня у себя дома засветила. Разве не так?

– А что, не надо было?

– Да нет, к чему такая конспирация. Просто родители-то твои, конечно, спрашивать начали, с кем это ты.

– Уж это непременно. На то они и родители.

– И что они о моей скромной персоне говорили? Ты им рассказала что-нибудь про меня?

– Любопытно?

– А тебе бы на моем месте не любопытно было бы?

– Ну, рассказала самую чуточку. Мол, ты новый русский, но специфический – строитель. Папа уже был тепленький,

хлопнул еще из заначки и завел пластинку про то, что такого мужа мне и надо. Чтобы был постарше и обстоятельный. На три круга запустил, пока мама его спать не наладила. Женька, заразка, похмыкала и сказала: «Вот только рожа у него какая-то хамская». Конечно, ни словечком не пискнула насчет того, что уже имела счастье с тобой познакомиться.

– А мама? – с любопытством спросил Алексей. – Она же у вас адмирал на корабле.

Ольга бросила на него лукавый взгляд и заявила:

– Не скажу.

– Почему?

– А то возомнишь еще о себе чересчур.

– Ого! – сказал он. – Интересный оборот дела. Ну, расскажи, а? Я тебя умоляю. А то я и так о себе возомню. Ясно же, что она долго отпускала мне самые цветистые комплименты.

– Да ну тебя!

– Нет, серьезно, расскажи. Страшно интересно, что обо мне подумала госпожа адмирал.

– Сказала, что ты человек вроде бы солидный. Вот и все.

У Алексея осталось стойкое впечатление, что она недоговаривает, но нажимать он, конечно, не стал, решил, что тут и так есть приятные моменты. Быть с ходу одобренным адмиралом-банкиршей как человек солидный – это уже кое-что.

– А вот интересно, она не говорила, чтобы ты меня в дом привела познакомиться?

Ольга искренне рассмеялась.

– Вот уж такого она никогда не говорила. Всегда расспрашивала, конечно, иногда с пристрастием, но говорила: «Захочешь познакомить, приводи».

Ему чертовски хотелось поговорить на эту тему, но он в конце концов пришел к выводу, что о своих предшественниках – а они, разумеется, были в неизвестном количестве, куда ж от них денешься – расспрашивать не стоит. Алексей крепенько выругал себя. Мол, далеко забежал вперед. Рановато называть этих типов предшественниками, потому что пока ты для этой красавицы никто. Скажет она завтра: «Не звони мне больше». Симку сменить – по нынешним временам что мороженое купить. Вот и выйдет аллес капут. Не бродить же под окнами или около универа. Она его чертовски привлекала, в первую очередь тем, что нельзя определить словами, но мужскую гордость куда девать прикажете?

Пару раз так выходило, что не он бросал случайных подружек, а они его. Если честно, такое происходило четырежды. Он выбрасывал этих барышень из памяти, да и все тут. Правда, они были совсем другие.

– Ты о чем так усиленно задумался?

– Да ни о чем, так просто.

– Лучше выныривай из раздумий и фотографии покажи.

Интересно, как получились.

Он охотно достал из сумки фотоаппарат, повернул к ней тыльной стороной и нажал нужные кнопки.

– Ага, неплохо вышло, – сказала Ольга. – Бегемота ты

удачно шелкнул, когда пасть разинул. А вот этот обезьян сам по себе мерзкий. Его можно было и не снимать.

– Сотру, – сказал Алексей и осведомился: – А жирафы как?

– Хорошо жирафы получились. И сами по себе, и я на их фоне. Вот только на фото и в телевизоре тоже они почему-то не такие милые, как в природе. А в жизни просто лапочки. Вообще... – Она замолчала.

Закурлыкал его телефон, лежавший под локтем. Номер высветился Пашкин.

– Ага, – сказал Алексей. – Ну да? Стахановцы, точно. И что на товарном дворе? Уже?.. Я далековато, вообще-то близ зоопарка, но тоже глянул бы. Ага. Нет. Ладно, сейчас проясню. Роджер. – Он выключил телефон и задумчиво уставился перед собой.

– А можно спросить, Роджер тут при чем? Если это не тайна, конечно.

– Да какая тут тайна, – сказал Алексей. – «Роджер» – это такой термин у американских военных радистов. Конец связи.

– У тебя лицо стало интересное, – заявила Ольга. – Словно ты и радуешься, и досадуешь на что-то. Ничего не случилось?

– Ничего плохого, кроме хорошего, – сказал он. – Может, помнишь, я как-то мельком говорил, что мы японский автокран купили? Прикатил сегодня, на два дня раньше, чем

ждали. Почин какой-то на железной дороге, что ли, – доставка с опережением графика. В общем, его уже в наш автопарк перегнали. Вся команда съезжается, несмотря на воскресенье. Мы его столько ждали!.. Всем не терпится глазами посмотреть и руками потрогать.

– Тебе тоже?

– И мне, – признался он.

– Ах, вот оно в чем дело, – сказала Ольга без тени иронии. – Классическая киношная коллизия. Мужик разрывается меж девушкой и служебным долгом. Слушай, а зачем разрываться? Я бы с тобой поехала, если можно, конечно. Мне тоже интересно на японский автокран посмотреть. Ты ж собрался мне устраивать строительную экскурсию, не забыл? Вот и начнем. Или нельзя?

– Да можно, конечно, – сказал он, радуясь в душе, что все разрешилось так просто. – У нас же не секретный объект, где и собака в конуре с тремя подписками о неразглашении и всем таким прочим.

Ольга осторожно осведомилась:

– А как ваша команда посмотрит на то, что ты с собой постороннюю девицу привез?

– Да нормально посмотрит, – ответил он, нисколько не раздумывая. – Подумаешь, привез приличную девушку на кран посмотреть. Вот если бы приволок бухую эскортницу, то смотрели бы иначе.

Вообще-то, и в этом случае, небывалом в истории коман-

ды, ребята приняли бы визитершу с японским хладнокровием. После не пеняли бы особенно. Так, похмыкали бы чуточку. Мол, ну ты и дал стране угля. Как-никак команда. С первого класса вместе и до сего дня. Разве что два года Маринки с ними не было, когда под погонами топали.

– Я кофе допила в темпе. Едем?

– Погоди минутку, – сказал он, достал из борсетки бумажник и сунул в нагрудный карман куртки несколько купюр не самого мелкого достоинства. – Я сам за руль сяду,пустишь?

– Конечно.

– И поднажму. Так что придется мне, чует мое сердце, общаться с продавцами полосатых палочек.

Ему повезло, общаться с помянутыми персонажами пришлось только раз, хотя, учитывая, как он ехал, можно было и не единожды. Вообще-то у него в борсетке лежала волшебная грамотка, талисман от гаишников. Это была визитка начальника Шантарской ГИБДД с номером его мобильного, написанным красной шариковой ручкой. Алексей и ему кое-что строил подешевле и понадежнее, чем могли бы другие люди. Но этой палочкой-выручалочкой он пользовался крайне редко. Душа как-то не лежала к таким методам.

Через полчаса он въезжал в широкие ворота, где справа висела аккуратная вывеска «АОЗТ «Мастерок». Автопарк». За этим чуточку пышным названием скрывался неасфальтированный кусочек земной поверхности соток в сорок, окру-

женный аккуратным высоким штакетником. На нем стоял капитальный кирпичный домик, где помещались сторожка и комната для совещаний.

Имелась еще и столь же капитальная деревянная конура, где жила не какая-нибудь шавка, а основательный кавказец Лютик. Сейчас вход в собачьи апартаменты был тщательно задвинут очередной толстой доской, пока еще не особенно и поврежденной. Лютик был псом бдительным, будучи заперт, при появлении любого незнакомого лица начинал рваться наружу, немилосердно грызя доску. А Ольгина машина для него как раз и была этаким вот «незнакомым лицом». В среднем на месяц уходила пара досок.

Когда они вышли из машины, Ольга боязливо покосилась на оскаленную морду Лютика, видневшуюся в щели, и спросила:

– А он не выскочит?

– Не волнуйся, все продумано. Совсем забыл спросить. Ты собак боишься?

– Вообще-то нет. Но очень уж он внушительный. Выскочит такой зверюга, и полетят клочки по закоулочкам.

– Это да. Он у нас парнишка внушительный, – подтвердил Алексей. – Видишь возле будки кирпич?

– Вижу. А зачем он там?

– Наш песик с ним играет. Долго и увлеченно.

Лютик чуточку примолк. Алексея он прекрасно знал, но Ольга и машина у него особого доверия не вызывали.

Японский кран стоял посреди площадки, на которой, кроме него, приютилась пара безработных грейдеров.

– Красивый какой, – сказала Ольга. – Я такие в городе видела, но не так близко.

Да, кран и в самом деле был ой как хорош. Низкий, по-своему очень изящный, покрашенный в цвет, средний между темно-розовым и светло-красным.

Алексей в который раз с досадой подумал:

«Ешкин кот, ну почему мы такие штуковины до сих пор не умеем делать, если давным-давно луноход сварганили?»

Возле него деловито суетились механики, подливали бензин и изучали движок. Какой-то дядечка бродил вокруг со столь важным деловым видом, что всякому должно было стать ясно, что на этом красавце крановщик именно он и никто другой.

– А поближе посмотреть можно? – спросила Ольга с неподдельным интересом.

– Погоди немного, – сказал Алексей. – Самое интересное будет чуть попозже. А сейчас пошли с ребятами знакомиться. Этикет этого требует.

Ольга двинулась за ним с видимой неохотой. Он усмехался про себя. Примечательная сцена. Записная гуманитарная барышня вплотную столкнулась с типичным представителем индустриальной цивилизации и явно была впечатлена. А впрочем, она и технике не чужая – машину водит, причем очень даже неплохо.

Команда в полном составе, с бумагами в руках, стояла у домика. Ольга смотрела на этих людей со всем любопытством, дозволенным правилами хорошего тона. Ей чертовски интересно было узнать, что же у него за народ, о котором он пару раз отзывался как о самых близких друзьях. По таким о любом человеке многое понять можно.

Рослый светловолосый бородач на голову выше всех остальных. Причем борода у него не новомодная, больше похожая на многодневную небритость, а самая настоящая, довольно-таки окладистая. Ольга в уме примерила на него одеяние священника и едва не фыркнула. Да уж, в церкви он действительно смотрелся бы очень даже неплохо.

Второй мужчина роста и комплекции Алексея. Только волосы светлее, плюс прилизанные гусарские усики.

Рядом с ними стояла очень красивая женщина в зеленом платье, вызвавшем у Ольги легонький приступ извечной женской зависти. Она себе такое никак не могла позволить. Глаза форменным образом под цвет платья, густые черные волосы до плеч, очень ухоженные. Золотая изящная цепочка хорошей работы, не массивная и не хлипкая, вполне стильная. Перстень с изумрудом на среднем пальце. На безымянном – изящное обручальное кольцо, как две капли воды похожее на то, которое красовалось на соответствующем пальце у бородача.

У «гусара», кстати, обручалки не имелось. Да и вообще никаких гаек, как и у Алексея с бородачом.

Золото красавицы оставило Ольгу равнодушной. Подари кто, она не отказалась бы, но нисколько не фанатела по этому поводу.

– Мы сидели в «Шампуре», когда ты позвонил, Паша, – сказал Алексей непринужденно. – Девушка хотела посмотреть кран, не отказывать же было. А поскольку она чистой воды гуманитарий, ее интерес к строительной технике можно только приветствовать.

– Это точно, – заявил бородач.

– Знакомьтесь, это Оля. Между прочим, выпускница «Лермонтовки». Тридцать пятую кончала, как и все мы, грешные.

– Я всегда говорю, что наш миллионник – одна большая деревня, – вполне дружелюбно сказала черноволосая красавица. – Я Марина.

– Раб божий Павел, – представился бородач.

– Максим, для друзей – Макс, – сказал «гусар». – Все вместе мы команда.

– С первого класса «Лермонтовки», – добавил Павел. – Это какие же мы старые, жуть!..

– Вообще-то, да, с первого класса, – проговорила Марина. – Надеюсь, ты не забыл, как на первом звонке Макс букетом по лбу залепил, когда он раньше тебя полез со мной знакомиться?

Павел улыбнулся во весь рот и ответил:

– Ну так я же уже тогда чувствовал, что ты – моя судьба

на всю оставшуюся жизнь.

– Ври больше. А кто в шестом Лерочке Соболевой запички слал как на конвейере?

– Временное помутнение рассудка, – с ханжеским видом ответил Павел.

Ольга уже нисколько не сомневалась в том, что они муж и жена. Это было видно не только по кольцам.

– Тогда как раз магнитные бури были жуткие.

– А самое печальное состояло в том, что букетом по лбу я тогда получил совершенно зря, – непринужденно сообщил Ольге Макс. – Потому что ровным счетом никаких чувств к Маринке так в душе у меня и не разгорелось. Вот Рэмбо подтвердит. – Он кивнул в сторону Алексея.

– Подтверждаю, – сказал Алексей.

При этом Ольге показалось, что его лицо на миг непонятно почему стало недовольным.

Они перекидывались репликами непринужденно и весело, как опытные волейболисты мячом, и в самом деле выглядели той самой отлично спевшейся командой, компанией, в которую хочется попасть. Вот только примут ли? Ольга трезво подумала, что впереди у нее совершеннейшая неизвестность.

Подошел крановщик, лихо бросил ладонь к пустой голове на американский манер и рявкнул:

– Разрешите начать ходовые испытания?

Макс кивнул и ответил ему в тон:

– Начинайте, фельдфебель! Вперед и с песней, Захарыч!

«Вряд ли этот Захарыч – член команды, – подумала Ольга. – Нет, конечно. Просто стиль общения у них тут такой, через смешки и шуточки. Это мне тоже нравится».

– Я первым делом стрелу выпущу, лады?

– Захарыч, тут ты банкуешь, – сказал Макс.

– Возьми девушку с собой, ей будет интересно, – проговорил Алексей. – Только с соблюдением техники безопасности, ага?

– Алексей Валентинович, не учите цыгана коней воровать, – с достоинством ответил Захарыч. – Пойдемте, девушка. Сейчас и в самом деле даже вам будет интересно.

Ольга охотно пошла с ним к крану.

Команда собралась было двинуться следом, но Алексей быстро сказал:

– Ребята, погодите минутку, тут дело есть.

– Не вопрос, Рэмбо, – произнес Макс.

Алексей быстро произнес пару фраз. Команда переглянулась.

– Понято, принято и заметано, – заявил Паша. – Будь спокоен, все будет тип-топ. Это у тебя все дело?

– Да нет, это только присказка. Ребята, я сроду о таком не просил, а теперь приходится. Все авралы у нас кончились, работа идет размеренная и рутинная. Короче, как вы смотрите, если бы я взял типа отпуска за свой счет? На недельку этак. Я все продумал. С Италией, если что, вы справи-

теть, в столярке все готово, только вывозить, а мои объекты в Счастливом я смогу курировать.

– Суду все ясно, – сказала Марина. – Давно знакомы?

– Три дня.

– Чудак ты все-таки, Леха, – заявила она. – Недели тебе не хватит. Бери две. Девочка интересная и, сдастся мне, сложноватенькая. За это время тебя ни одна живая душа не дернет, разве что, не дай бог, ЧП случится. Но на нашей памяти такого ни разу не было. Ребята, согласны?

Ребята слаженным хором ответили, что согласны.

Когда они уезжали, Алексей охотно уступил руль Ольге. Теперь спешить было некуда, да и «девятка» после его «Лексуса», между нами говоря, не плясала.

– Впечатления? – спросил он с интересом.

– Самые прекрасные, – с неподдельным энтузиазмом ответила Ольга. – Когда стрела стала вылезать и оказалось, что она телескопическая, это был полный отпад. До третьего этажа достанет, да?

– До четвертого совершенно свободно, – поправил ее Алексей. – Обошелся нам этот красавец в приличную охпочку зелени, но он свою цену быстро отработает.

– А те штуки, в углу, на колесах и с ножом, как у бульдозера, это что? Я такие видела в городе, они снег сгребали.

– Это называется греjder, – сказал Алексей. – Хорошая внесезонка. Летом гребет землю, зимой – снег. Только им придется пару месяцев постоять. Землю уже не гребут, хотя

не исключено, что пара заказов будет, а снег, сама видишь, еще не выпал.

– Леша...

– Да?

– И как ваша команда меня расценила? Пока я краном любовалась, вы же наверняка словечком на мой счет перебросились? Не может такого быть, чтобы о новом человеке в старой компании никто ничего не сказал.

– Когда я тебе примерно такой же вопрос задал насчет мамы, ты как ответила? Что не скажешь, иначе я о себе возмню.

– Но я же в конце концов сказала, – чуть обиженно протянула Ольга и улыбнулась. – Все повторяется, да? Та формулировочка, что ты вслед за мной сейчас повторил, внушает определенные надежды, Леша.

– Ну ладно, – сказал он. – Можешь возомнить, обстоятельства позволяют. Мы особо не разговаривали, но когда ты пошла с Захарычем к крану, ребята мне большие пальцы показали. Почти синхронно. А Маринка – целых два. Это о чем-то говорит, да? Притом что команда эмоциями не особенно разбрасывается в отношении людей, впервые заявившихся к нам. Так что можешь возомнить, только палку не перегибай.

– Баш на баш. Ты тоже не перегибай.

– По рукам.

Квартала три они ехали молча. Поток тут был плотный, и Ольга чуть напряглась, не отрывала глаз от дороги. На Крас-

ноармейской стало полегче, там в выходные никогда не было особого движения.

Ольга расслабилась и сказала, не поворачиваясь к нему:

– Ты меня оборви, если я что-нибудь бестактное спрошу. Мне вот показалось, что Марина с Пашей – очень благополучная пара. Между ними словно притяжение какое-то.

– Ну и где же тут бестактность? – осведомился Алексей. – В точку. Самая благополучная пара, пожалуй, какую я в жизни знаю. Пышным цветом все расцвело в старших классах, потом она его честно из армии ждала, а через полгода после дембеля они расписались. Им пришлось потруднее, чем нам с Максом. Мы окольцевались только года через два, почти одновременно, так уж сложилось. Два года беззаботно холостяковали, а Пашка семью кормил. Маринка быстро родила. Они молодцы, все вытянули. Ни малейшей трещинки в отношениях. Сейчас старшая в четвертый пошла, а младшему шесть. Но Маринка молоток. И детей не забывает, и на фирме пашет толково и лихо. Итальянцы от нее тащатся. И бизнесумен та еще, и двое детей. У них такое совмещение редкость. Тамошние дамы обычно что-то одно выбирают.

– Какие итальянцы?

– Я же тебе не говорил. Мы вдобавок ко всему, что наворотили, уже пять лет являемся представителями сразу двух итальянских фирм. Так вот удачно сложилось. Одна – мебель и всевозможные деревянные изделия, от лестниц между этажами до гномиков в сад. Иногда клиент попадаетеся ба-

лованный, подавай ему импорт. Вторая печки делает. Самые обыкновенные, которые углем и дровами топят.

– Неужели специально для России?

– Да большей частью для себя. Был я пару раз у них в Италии.

– Везет тебе, – со вздохом заявила Ольга. – А я только по телевизору видела. Неаполитанский залив, деревья апельсиновые, Рим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.